

Александр Михайловский
Александр Харников

МИР ЦАРЯ МИХАИЛА

Рандеву с "ВАРЯГОМ" - 3

Александр Борисович Михайловский
Александр Петрович Харников
Мир царя Михаила
Серия «Ангелы в погонах»
Серия «Рандеву с «Варягом»», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66304938

Аннотация

Император Николай II убит эсеровскими боевиками, но заговор Владимировичей провалился. Власть в Петербурге от имени младшего сына берет в свои маленькие, но цепкие руки вдовствующая императрица Мария Федоровна. Новый император Михаил II и его невеста-японка находятся на Дальнем Востоке. Ради того, чтобы они никогда не смогли добраться до своей столицы, в Лондоне готовы призвать на помощь все силы ада. Начинается финальный, самый отчаянный, этап схватки за будущее России: главное управление Государственной Безопасности против британской разведки. Узнайте о том, как потерпели крах коварные замыслы, как создавался Континентальный альянс и каким образом товарищ Ленин превратился из будущего вождя Мировой революции в министра труда и социального развития Российской империи.

Содержание

Часть 9. Цареубийство

4

Конец ознакомительного фрагмента.

108

Александр Михайловский, Александр Харников Мир царя Михаила

Часть 9. Цареубийство

14 (1) марта 1904 года. 12:15. Санкт-Петербург. Большая Морская улица.

Кайзер Вильгельм в накинутой на плечи роскошной шубе, сопровождаемый адмиралом Тирпицем, в окружении адъютантов и секретарей, вышел на крыльцо германского посольства. С низкого неба сыпал мелкий суховатый снежок, укрывая тонкой простыней землю с чуть подтаявшими лужами. Бодрящая погодка... Вильгельму отчего-то подумалось, что в Берлине сейчас, наверное, все не так. Вместо снега – унылый дождь, делающий все вокруг серым и неприглядным... Кайзер подавил вздох, прогоняя так внезапно нахлынувшую меланхолию.

Вот-вот из-за изгиба Большой Морской улицы покажется царский кортеж. Все взгляды устремлены туда... Кайзер повернулся к Тирпицу, собираясь сказать, что русский царь

немного запаздывает. И вдруг в той стороне, откуда ожидалось появление кортежа, грохнул взрыв такой страшной силы, что все непроизвольно пригнули головы. И тут же грянуло еще несколько взрывов... В небо взмыли стаи растревоженного воронья, а из-за угла особняка князя Львова поднялись клубы черного дыма. Через мгновение до Исаакиевской площади докатилась ударная волна. На верхних этажах посольства и в соседних домах с жалобным треньканьем вылетели стекла, а с карнизов крыш на тротуары посыпались сосульки. Закричали порезанные осколками стекла и ушибленные сосульками люди. Недалеко от посольства ледяная глыба, рухнувшая с крыши, разбила голову нарядной дамочке, пришедшей посмотреть на встречу двух монархов. Возле ее неподвижного тела жалобно визжала и скулила белая болонка. В мирный Петербург нагрянула смерть.

Вильгельм так и остался стоять с раскрытым ртом, растерянно глядя туда, где только что произошло что-то ужасное. Наконец, выйдя из ступора, адъютанты подхватили под руки императора, адмирала Тирпица и, прикрывая их своими телами, поволокли внутрь посольства – в комнаты, не имевшие выходящих на улицу окон. Вильгельм пытался вырваться, но молодые крепкие офицеры, отвечающие за его безопасность, были явно сильнее своего подопечного.

Участок Большой Морской у ресторана Кюба напоминал сцену из Апокалипсиса. По обеим сторонам улицы взрывом вынесло все стекла, кое-где вместе с рамами. От открытых

саней, в которых ехал император со своим адъютантом, ничего не осталось. Террористы хорошо видели свою мишень и сумели взять верный прицел. Прямым попаданием бомбы, упавшей чуть ли не на колени императору, сидящих в санях разнесло в клочья. Еще несколько бомб разорвалось поблизости, и теперь в мостовой зияли уродливые закопчённые воронки. Воздух был наполнен криками раненых и предсмертным ржанием лошадей.

Полусотню терских казаков разбросало по сторонам. Часть станичников – тех, что были ближе всего к императору – погибла сразу же. Другие получили многочисленные ранения, ожоги и контузии. Также много жертв было и среди обывателей, стоявших на тротуаре или сидевших в ресторанной зале, куда хлестнули осколки выбитых взрывной волной толстых стекол. Десятилетия спустя мирные жители британских островов, умирая под бомбами и пулями отороженных боевиков ИРА, даже и не будут догадываться, кто бросил в той войне первый камень...

Министру Иностранных дел Петру Николаевичу Дурново повезло. Его санки следовали в некотором отдалении от царских, кучер вовремя увидел падающие сверху предметы – и резко натянул вожжи, пытаясь развернуть сани поперек улицы. Этого у него не получилось, но в итоге вышло даже лучше, чем он хотел. От резкого разворота сани легли на бок поперек улицы, подставив взрывной волне и осколкам дно, сбитое из толстых дубовых досок. Так что сам Петр Никола-

евич, его секретарь и спасший их кучер были лишь выброшены на мостовую, контужены, и отделались легким испугом. Но о других участниках этой драмы этого сказать было нельзя. Включая и террористов: двоих из них взрывная волна буквально сдула с крыши ресторана, а еще двое получили сильнейшую контузию. Привыкшие начинять свои снаряды всякой дрянью, обычно изготовленной в домашних условиях, эсеровские боевики щедро нафаршировали бомбы полученным из британского посольства тротилом. На том и делали расчет коварные англичане, в своих инструкциях втрое занижая фугасное действие новой взрывчатки. Если бы бомбометание производилось как обычно – с тротуара и с расстояния пятнадцать-двадцать метров – то в живых не осталось бы ни одного бомбиста.

Когда ударная волна докатилась до Зимнего, и жалобно зазвенели дворцовые стекла, Александра Федоровна, в этот момент в раздумьях медленно поднимавшаяся по главной лестнице, сразу все поняла.

Развернувшись, она с безумным криком: «Ники!!!» бросилась вниз к выходу из дворца, готовая бежать туда, где только что был злодейски убит ее супруг. Высокий каблук туфли царицы подвернулся на ступеньке, и она, не удержав равновесие, покатилась вниз, чудом не сломав себе шею. Прибежавшие на шум слуги подхватили ее обмякшее тело и понесли в императорские покои. Подоспевший к августейшей больной лейб-медик констатировал перелом луче-

вой кости на левой руке, вывих стопы, множественные ушибы и сотрясение мозга, не опасные для жизни императрицы. Но для будущего наследника российского престола, так и не рожденного цесаревича Алексея, все было кончено... Через полчаса измученный травмами и стрессом организм матери преждевременно выкинул плод.

Когда воздух над Санкт-Петербургом испуганно вздрогнул, в Новой Голландии, кроме пришельцев из будущего, ожидая визита двух монархов, присутствовали: командующий Балтийским флотом Степан Осипович Макаров, министр Внутренних дел Вячеслав Константинович фон Плеве и генерал Евгений Никифорович Ширинкин. Они беседовали во внутреннем дворе с Александром Васильевичем Тамбовцевым и полковником Антоновой. Чуть в стороне, покуривая, стояли майор Османов, старший лейтенант Бесоев и ротмистр Познанский.

Тут же стояли с прогретыми двигателями два «Тигра», по одному «Уралу» и БТРу со спецназовцами ГРУ в полном боевом облачении: предстояла демонстрация возможностей для высочайших особ. Неподалеку у стены, в ожидании личного награждения царем георгиевскими крестами за отражение налета хунхузов, переминались с ноги на ногу матросы с «Паллады» под командованием прапорщика Морозова. Возможно, именно все это и решило судьбу заговора Владимировичей.

Когда до Новой Голландии докатился грохот взрыва, гене-

рал Ширинкин сразу все понял и окаменел лицом. Сбылись самые дурные предсказания господ из будущего... Сплюнув на снег, генерал тоскливо посмотрел на министра внутренних дел и коротко бросил:

– Обделались, мы с тобой, Вячеслав Константинович, как детишки несмышленные... – потом перевел взгляд на Тамбовцева и сказал: – Каюсь, Александр Васильевич, не принимал всерьез ваших предупреждений. Ну, и что вы теперь нам посоветуете в сей гнуснейшей ситуации?

– Во-первых, Евгений Никифорович, – быстро ответил Тамбовцев, – надо срочно выяснить, что произошло на самом деле. Во-вторых, необходимо спасти трон для императора Михаила и одновременно обезвредить заговор. Это если вы завтра не хотите кланяться британской марионетке – царю Кирюхе...

– Вы уверены, что это англичане? – спросил генерал Ширинкин.

– Больше никому, – ответила Антонова, жестом подзывая Османова, Познанского и Бесоева. – Именно они и связанные с ними великие князья, которым император недавно сильно придавил хвост. Не стоит забывать и про господина Витте, который, хоть и отправился в Америку, но креатур у него тут осталось хоть отбавляй. Добавьте к этому эсеровских боевиков, их «крышу» в жандармерии и охране – и вы получите тот самый клубок змей, который нам с вами в ближайшее время предстоит распутать.

– Что вы конкретно предлагаете? – нетерпеливо спросил генерал Ширинкин, который как бы уже взял руководство всеми делами по подавлению мятежа на себя.

– В первую очередь нужно обеспечить безопасность Вдовствующей императрице Марии Федоровне, командующему гвардией и Петроградским гарнизоном Великому Князю Сергею Александровичу, Великой Княгине Ксении, императрице Александре Федоровне, а также всех их детям. Для этого лучше всего собрать их всех вместе – например, здесь.

– Махмуд Ибрагимович, – сказала Антонова стоящему рядом майору Османову, – контртеррористическая операция – по вашей части. Берите руководство в свои руки.

– По моей, – кивнул майор. – Слушаюсь, товарищ полковник. Значит, так: срочно едем к Вдовствующей императрице Марии Федоровне. Евгений Никифорович, где сейчас может находиться Великий Князь Сергей Александрович?

– В своем дворце, – ответил генерал Ширинкин, – это напротив Аничкова, на другом берегу Фонтанки.

– Тогда так, – сказал майор Османов, повернувшись к полковнику Антоновой, – Нина Викторовна, отправляйтесь на «Тигре» по правому берегу Фонтанки в сторону Аничкова дворца. Там вы заберете Марию Федоровну, потом Сергея Александровича с супругой, и по левому берегу вернетесь сюда. В качестве силового прикрытия мы пошлем с вами БТР с десантом. Старший лейтенант Бесоев на втором «Тигре» с двумя бойцами выдвигается в сторону Мой-

ки 106, забирает оттуда Великую Княгиню Ксению с детьми, нашу Ирину, и возвращаетесь назад. Желательно всех троих предупредить по телефону, чтоб они были готовы. А самую сложную и тяжелую работу по обнаружению и обследованию места террористического акта я бы поручил ротмистру Познанскому. В качестве транспорта выделяем ему один «Урал», а в качестве силового обеспечения – взвод матросов с «Паллады» под командованием прапорщика Морозова. Ротмистр, вам будет необходимо выдвинуться по пути предполагаемого следования царского кортежа, найти место, где произошли взрывы, и связаться с нами по имеющейся в машине рации. В критической ситуации действовать по обстановке. Я остаюсь на месте и координирую действия всех групп. При мне – резервная группа.

– А вас, Александр Васильевич – Османов повернулся к Тамбовцеву, – я попрошу быть на связи и анализировать поступающую информацию. Вы лучше меня знаете город, обстановку, исторические реалии – так что вам и карты в руки.

– Интересно, где же все-таки произошел теракт? – немного погодя задумчиво сказал Османов.

Фон Плеве, внимательно слушавший распоряжения майора, одобрительно при этом кивая, сказал:

– Судя по всему, взрывы были где-то в районе Исаакиевской площади... Или на Большой Морской. Ну а насчет ваших распоряжений – так считайте, что я дал на них добро, как министр Внутренних дел. Не так ли, Евгений Никифо-

рович? – Плеве повернулся к генералу Ширинкину.

– Думаю, все равно мы сейчас ничего лучше не придумаем, – ответил тот, – пусть отправляются немедленно. И будем надеяться, худшего все же не случилось.

Несколько минут спустя по мосту ведущему из Новой Голландии в город вырвалось несколько невиданных механических экипажей, и на огромной скорости, воя сиренами и гудя клаксонами, распугивая извозчиков и мирных зевак, ринулись каждый к своей цели.

Тем временем генерал Ширинкин, дозвонившись до Мойки 106, Аничкова и Сергиева дворцов, поднимал на ноги своих орлов из Дворцовой полиции, а также Императорский конвой и Дворцовых гренадер. Все его разговоры слышали телефонистки – существа женского пола, и потому любопытные и болтливые. Город, и без того взбудораженный взрывами, испуганно замер, придавленный самыми невероятными слухами. Часть информации успела дойти и до заговорщиков, но транспорт будущего оказались быстрее.

**14 (1) марта 1904 года. 12:25. Санкт-Петербург.
Аничков дворец, Невский проспект 39.**

Полковник Антонова Нина Викторовна.

Завывая двигателем и отчаянно сигналив, БТР неся по Невскому проспекту с невероятной для того времени скоростью – под сорок километров в час. Следом за ним мчался «Тигр». Завидев колонну невиданных огромных машин, извозчики испуганно прижимались к обочине, а прохожие застывали, не веря глазам своим. Только что прогремели непонятные взрывы в центре города, а тут еще и это...

Мы успели вовремя: еще чуть-чуть, и было бы поздно. Группа военных в офицерских шинелях атаковали Аничков дворец. Одни лезли в окна с территории садика со стороны Александрийской площади, другие, убив городского у моста через Фонтанку и часового у будки у входа во дворец, попытались ворваться внутрь со стороны Невского проспекта. Те, кто был в садике, приставили привезенные на телегах лестницы к стенам, выбили окна и пытались проникнуть в окно на первом этаже здания.

Но, похоже, нападавшие не застали обитателей Аничкового дворца врасплох. Едва первый из офицеров попытался

влезть в окно, как изнутри прогремел выстрел – и нападавший, взмахнув руками, рухнул вниз. Судя по звуку, стреляли из ружья. БТР резко остановился у распахнутых ворот садика, а «Тигр», в котором ехала я и еще два спецназовца ГРУ, остановился в десятке метров от парадного крыльца. Мы выскочили из машины и бросились ко входу в здание. В руке у меня был АПС, а вместо длинного драпового пальто, прямо поверх платья, был надет броник.

Офицеров, штурмовавших дворец, было четверо. Один из них, похоже, был подранен часовым или полицейским. Он прижимал ладонь к окровавленному боку и держался в стороне от товарищей. А те остервенело ломались в мощные дубовые двери парадного входа, пытаясь их выломать.

Они явно не ожидали нашего появления, и заметили нас лишь тогда, когда «спецы» открыли огонь на поражение из своих АК-9. Они даже не успели удивиться перед тем, как умерли. Я едва успела крикнуть бойцам, чтобы они живьем взяли подстреленного офицера. Тот и не думал сопротивляться. Он переводил полный удивления и ужаса взгляд то на меня, то на моих «терминаторов» – те и вправду выглядели настолько непривычно и угрожающе, что даже в наше время террористы не выдерживали, и, бывало, пачкали свои штаны.

Пленного обезоружили и связали. В саду раздалось несколько выстрелов (похоже, из «нагана»), потом десятка полтора коротких очередей из «калаша». Окончательно по-

ставила точку в этом деле очередь из КПВТ. Наступила тишина.

В рации, лежавшей в кармашке моего броника, прозвучала условная фраза: «Фея, я Пятый, у нас все ОК. Шесть «двухсотых», два «трехсотых». Еще двоих слепили теплыми. С нашей стороны без потерь. Охраняем дворец со стороны «Каткиного садика» и Невского. Как меня поняли, прием».

Я ответила: «Пятый, я Фея. Охраняйте, и доложите в штаб Османову. БТР подгоните к Сергиевскому дворцу – похоже, эти уроды могут и туда сунутся. А я буду выводить Гневную. Как меня поняли, прием».

Получив подтверждение, я осторожно подошла к дверям дворца. Они были изрядно попорчены, но назначение свое выполнили – натиск нападавших выдержали. В окнах первого этажа я увидела испуганные бледные лица дворцовых слуг. Поняв, что опасность миновала и нападавшие обезврежены, они, по всей видимости, доложили об этом Марии Федоровне.

Вскоре звякнули дверные засовы, дверь медленно отворилась, и в ее проеме появилась гигантская фигура камер-казака Вдовствующей императрицы, Андрея Кудинова. Пожилой, но еще крепкий урядник, в шубе, крытой темно-зеленым сукном, и в высокой смушковой шапке, выглядел весьма импозантно. В одной руке он держал обнаженную шашку, а в другой – громадный револьвер «Смит и Вессон». За его широченной спиной я заметила Марию Федоровну – в

шубейке, накинутаю на плечо, в зимней шапочке, и с охотничьим ружьем в руках.

Увидев меня и моих спутников, она с облегчением вздохнула, а потом сказала:

– Слава Богу, эти негодяи получили то, что заслужили. Я видела, Нина Викторовна, как ваши люди перебили мятежников, которые пытались забраться к нам через окна, выходящие в садик. Мне даже пришлось в них несколько раз выстрелить... – Она воинственно взмахнула ружьем, а я поняла, кто так храбро защищался от офицеров-верхолазов.

– Ваше Императорское Величество, – ответила я, – вынуждена сообщить вам тяжелую весть. Ваш сын, Император Всероссийский Николай Александрович, погиб в результате взрыва, устроенного террористами-бомбистами... Похоже, мы имеем дело с заговором, и кое-кто из власть предержащих тоже принял участие в этом деле...

Услышав о страшной смерти сына, Мария Федоровна побледнела и едва не лишилась чувств. Она оперлась на руку своего телохранителя. Казак как-то по-домашнему прижал к себе маленькую и хрупкую женщину и, яростно сверкнув глазами, посмотрел на пленного, которого повели к воротам спецназовцы. Рука его, сжимающая шашку, напряглась. Я предупреждающе подняла руку.

– Стой, Андрей, не надо... Это наш «язык». Думаю, он расскажет нам, кто толкнул его на мятеж против священной особы императора.

Тем временем Мария Федоровна пришла в себя. Вдовствующая императрица хорошо знала меру своей ответственности перед страной. В данный момент, до прибытия в Петербург ее младшего сына Михаила, именно она могла стать представительницей законной власти в Империи. Ведь недаром мятежники попытались захватить или уничтожить ее почти сразу после убийства Императора.

Усевшись на заднее сиденье «Тигра», между могучим спецназовцем и не менее могучим камер-казак, она тут же лихорадочно стала соображать, какие части привлечь к восстановлению законности и порядка в столице.

А со стороны Сергиевского дворца, что располагался на Невском сразу за Аничковым мостом, задним ходом навстречу нам двигался БТР, грозно поводя вдоль улицы стволом крупнокалиберного пулемета. По радиации нам сообщили, что все благополучно: великий князь Сергей Александрович и его супруга с ними, а несколько бунтовщиков, которые, угрожая оружием швейцару, требовали, чтобы тот впустил их во дворец, при виде двигавшейся в их сторону огромной бронированной машины пустились наутек.

Я приказала водителям «Тигра» и БТРа развернуться и ехать обратно, в Новую Голландию.

– Нет, дорогая Нина Викторовна, – остановила меня Мария Федоровна, – везите лучше нас с Сергеем Александровичем прямо в Зимний дворец. Там центр власти, там хранятся императорские регалии, и сейчас, чтобы наилучшим

образом подавить мятеж, нам надо быть именно там. И передайте господам Плеве и Ширинкину, что их место тоже в Зимнем дворце. Во всяком случае, до прибытия в Петербург Михаила. А до этого момента я принимаю на себя обязанности по управлению Империей. Необходимо срочно ввести в стране положение об усиленной охране, а в столице – как это там у вас называлось – чрезвычайное положение. Требуется срочно поднять преданные нам полки, восстановить порядок и предотвратить дальнейшее распространение мятежа. России не нужна еще одна Сенатская площадь...

14 (1) марта 1904 года. 12:30. Санкт-Петербург. Новая Голландия.

Капитан Тамбовцев Александр Владимирович.

Когда группы, возглавляемые полковником Антоновой, старшим лейтенантом Бесоевым и ротмистром Познанским, уехали, майор Османов посмотрел на нас, криво улыбнулся, и сказал:

– А теперь, господа, давайте прикинем, кто это мог быть и какими силами цареубийцы могут располагать. А также, какие воинские части мы можем немедленно привлечь для подавления мятежа.

– Перво-наперво, Махмуд Ибрагимович, надо поднять в ружье и вызвать в Новую Голландию моряков, – сказал адмирал Макаров. – В двух минутах ходьбы отсюда, в Крюковых казармах, находится 2-й Флотский экипаж. Я сейчас пошлю туда своего адъютанта, чтобы он привел роту в полном вооружении – это около ста пятидесяти штыков. Потом я пошлю записку в Гвардейский Флотский экипаж его командиру, контр-адмиралу Константину Дмитриевичу Нилкову. Это на Екатерининском канале, в верстах двух отсюда. Думаю, что еще роту-две он сюда пришлет. Шефом Гвардейского экипажа является Вдовствующая императрица Мария Федоровна. Моряки ее любят, и будут защищать до последней капли крови, не щадя живота своего.

– Добро, сказал майор Османов, – зовите флотских... Моряки должны стать нашим резервом. Степан Осипович, действуйте!

Когда Макаров ушел, Османов повернулся ко мне, и Ширинкину с Плеве.

– Евгений Никифорович, – сказал он, – кто стоит во главе заговора? Ведь вы не будете возражать, что все произошедшее – именно заговор?

– Нет, Махмуд Ибрагимович, не буду вам возражать, – хмуро сказал генерал Ширинкин. – Это полномасштабный заговор, а убийство Помазанника Божьего – просто одна из составных частей этого заговора. Полагаю, что в нем замешаны Владимировичи, и Великий князь Кирилл Владими-

рович играет в этом деле одну из первых ролей. Надо непременно заняться этим змеиным гнездом. Вячеслав Константинович, а вы как считаете?

– Евгений Никифорович, – сказал министр Внутренних дел, – я полностью согласен с вами. И полагаю, что надо послать верные нам части к дворцу Великого князя Владимира Александровича, чтобы заблокировать его. Никого оттуда не выпускать. А кто будет пытаться скрыться – задерживать и помещать под стражу в Охранном отделении на Гороховой.

– А как насчет войск? – спросил майор Османов. – Нужны верные части, которые могут взять под охрану важнейшие объекты в столице Империи.

Генерал Ширинкин задумался на мгновение и сказал:

– Можно использовать расположенный поблизости от нас лейб-гвардии Конный полк. Я хорошо знаю его командира, генерал-майора Евгения Александровича Гернгросса. И надо срочно позвонить командиру лейб-гвардии Кавалергардского полка генерал-майору Владимиру Михайловичу Безобразову. Полк стоит на Захарьевской, шефом полка является Вдовствующая императрица Мария Федоровна. Кавалергарды горой станут на ее защиту. Думаю, что уже через час они будут здесь...

Тут заработала рация, и голосом Нины Викторовны произнесла:

– У нас в Аничковом и Сергиевском дворце все в порядке. Была попытка захвата дворца, но нападавшие уничтожены, а

трое взяты в плен. В ходе экспресс-допроса выяснилось, что это офицеры Преображенского полка...

Генерал Ширинкин выругался.

– И еще, – продолжила полковник Антонова, – по требованию Вдовствующей императрицы Марии Федоровны и Великого князя Сергея Александровича мы доставили их в Зимний дворец. Уже подняты в ружье Дворцовые гренадеры. Хотя их всего полторы сотни, но старички бодры, и каждый из них – георгиевский кавалер. Скажите Евгению Никифоровичу, что для охраны дворца я привлекла и чинов Дворцовой полиции... Но нам нужно подкрепление, тем более что, исходя из слов пленных, преображенцам, чьи казармы находятся на Миллионной, нельзя полностью доверять.

Ширинкин, внимательно слушавший доклад Нины Викторовны, сказал мне:

– Передайте госпоже Антоновой, что я разрешаю ей использовать моих людей для охраны Зимнего дворца. А насчет подкреплений, передайте, что скоро подойдут кавалергарды и павловцы.

Заметив мой удивленный взгляд, Ширинкин пояснил:

– Я знаю лично командира лейб-гвардии Павловского полка, генерал-майора Дмитрия Григорьевича Щербачева. Это верный человек. Я свяжусь с ним.

– Так, господа, – добавил майор Османов, – необходимо немедленно взять под охрану телефонные станции, телеграф, а также вокзалы. Можно использовать для этого наши

резервы. Кстати, судя по голосам на улице, подошли моряки из 2-го Флотского экипажа. Надо сформировать из них группы и направить их на Невский 26, где находится городская телефонная станция, и на Почтамтскую, где расположен Телеграф. Без санкции уважаемого Вячеслава Константиновича из города не должна уйти ни одна телеграмма. А телефонистки пусть отключат связь с дворцом Великого князя Владимира Александровича и Преображенским полком... – Он немного подумал. – Да, и с Британским посольством. Как говорили в подобных случаях старики-римляне: Quo prodest – Ищи, кому выгодно.

– К охране вокзалов можно привлечь Собственный Его Императорского Величества Железнодорожный полк, – сказал генерал Ширинкин, – они люди опытные, и знают, что делать. Да и силы у них немалые.

В комнату вошел старший лейтенант Бесоев.

– Товарищ майор, сказал он, – ваше приказание выполнено. Великая княгиня Ксения Александровна с детишками доставлена. Все обошлось без происшествий. По дороге видел колонну флотских, которые шли сюда. Жду дальнейших приказаний.

– Ну что, господа, – майор Османов повернулся к присутствующим, – вам лучше сейчас с подкреплениями отправиться в Зимний дворец. Там вас с нетерпением ждет Нина Викторовна и Вдовствующая императрица Мария Федоровна. И возьмите с собой Великую княгиню Ксению Алек-

сандровну с детьми. В Зимнем дворце им будет гораздо комфортнее. Мы же с Александром Васильевичем побудем здесь. Связь с нами держите через рацию Нины Викторовны. Мы немедленно известим о произошедшем Его Императорское Величество Михаила Александровича, Великого Князя Александра Михайловича и адмирала Ларионова. Надо вместе как следует обдумать создавшуюся ситуацию и составить план дальнейших действий...

14 (1) марта 1904 года. 05:35. Тихий океан 25 градус с.ш. 132 градус в.д. Гвардейский ракетный крейсер «Москва».

Контр-адмирала Ларионова разбудил ранний телефонный звонок. Ровным спокойным голосом командир БЧ-4 зачитал ему только что полученную из Петербурга радиограмму. Нельзя сказать, что Виктора Сергеевича потрясло известие о смерти Николая II. Как сообщала ему находящаяся в Петербурге дипломатическая миссия полковника Антоновой, в последние дни царь откровенно нарывался. Это надо же – так наступить на хвост англичанам, французам и части российской верхушки, и не усилить мер личной безопасности. В той истории его не убивали только потому, что он вообще никому не был нужен. А тут все переменялось.

Но, черт возьми, как все это не вовремя! В любой момент англичане могут налезть на Тайвань – то бишь на

Формозу... А тут еще и цареубийство... Конечно же, за этими событиями стоят англичане, выбравшие для себя подходящую фигуру и начав активно двигать ее во власть. Скорее всего, это всепьянейший царь Кирюха. Такой персонаж и без всякой войны подготовит условия для очередной «бархатной» Февральской революции. Хорошо, что старик Тамбовцев и полковник Антонова догадались временно подсадить на опустевшее место Императора Всероссийского Вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Это, конечно, избавляет Россию на какое-то время от Смуты и возможной Гражданской войны. Но в то же время перед ним, контр-адмиралом Сергеем Викторовичем Ларионовым, встает задача как можно быстрее доставить нового царя Михаила II в Питер. Желательно, конечно, с молодой женой, ибо император неженатым быть не должен. Переговоры с японцами в самом начале, и Бог его знает как оно там обернется...

Быстро одевшись, контр-адмирал направился в каюту новоиспеченного императора. Стрелки часов показывали пять часов сорок две минуты. До команды подъем оставалось еще восемнадцать минут.

– Ваше императорское величество, вставайте, – адмирал Ларионов потряс за плечо Михаила.

– Какое, в задницу, Величество? – с трудом разлепил тот веки. – А, это вы, Виктор Сергеевич... С чего это вдруг вам, с утра пораньше, захотелось надо мною подшутить?

– Нет, друг мой, – ответил адмирал, – мне совсем не до

шуток. Сорок минут назад, в результате покушения, устроенного эсеровскими боевиками, погиб ваш старший брат, Император Всероссийский Николай II. Как сообщают наши люди, выехавшие на место преступления, бомбу, скорее всего, закинули прямо в царские сани. Вашего брата и его адъютанта буквально разорвало на части. Также погибло много казаков конвоя и мирных обывателей...

– О черт! – Михаил вскочил с постели, и тут же вскрикнул от боли в раненой руке. – Бедный Ники! Царствие ему Небесное! Как все это скверно...

Помолчав немного, Михаил сказал глухим голосом:

– Надеюсь, что он умер быстро и не страдал. – И тут же испытующе глянул на меня. – Но, Виктор Сергеевич, при чем тут «Ваше Величество»? В любом случае, еще жива Алиса – то есть императрица Александра Федоровна – которая беременна будущим наследником престола. А сие значит, что я всего лишь регент при сыне Ники, а не Император... Хотя, один черт, это еще лет двадцать, как минимум... Или... Алиса тоже?

Адмирал Ларионов замялся.

– С ней в общем все нормально... почти. Врачи обещают, что она поправится. А вот сына у вашего брата уже не будет. Получив известие о гибели мужа, у Императрицы случился выкидыш. Так что извините, Михаил Александрович, но вы теперь и есть на сей момент Император Всероссийский, и никуда Вам от этого не деться...

– О черт! – еще раз с горечью воскликнул Михаил. – А я ведь так этого не хотел!

– Мы знаем об этом, – подтвердил адмирал. – Но есть такое слово – «надо»! Вы думаете, мне очень хочется вертеть царствами и сокрушать Империи?..

– Понимаю, – обреченно сказал Михаил. – Хоть я и боюсь этого до жути, но придется. Виктор Сергеевич, дайте мне, пожалуйста, одеться, и еще – известите о случившемся отца Иоанна и Сандро. Я буду готов через десять минут.

– Не бойтесь, Ваше Величество, – остановившись в дверях, сказал адмирал Ларионов, – мы тоже впряжемся в эту лямку и будем рядом с вами, чтобы вытянуть Россию из болота. А наша помощь дорогого стоит.

– Да знаю я, – вяло махнул рукой Михаил, – только давайте без этой, как ее, атомной бомбы. Воистину эта штука – дьявольское творение. Воплотить мечту господина Циолковского о полете в космос мне было бы как-то больше по душе...

Полчаса спустя, гвардейский ракетный крейсер «Москва», адмиральский салон.

Присутствуют: Император Всероссийский Михаил II, контр-адмирал Виктор Ларионов, отец Иоанн Кронштатский, Великий Князь Александр Михайлович.

– Итак, господа... – Император обвел взглядом присутствующих, – случилось самое мерзкое из всего, что можно было ожидать. В Петербурге заговор, в котором замешаны: бомбисты – социал-революционеры, банкиры-космополиты, шпионы французские, шпионы британские, и даже некоторые Великие Князья. В результате этого заговора мой брат погиб, как солдат на поле боя. Хочу сразу сказать: я не прощу виновных в смерти брата, кто бы это ни был, и где бы он ни находился. Но дело не только в этом. Люди, бросившие бомбу в Помазанника Божьего, целились не только в него, но и в Россию. Мирового господства им захотелось! Это я о британцах говорю! А вот хрен им по всей морде, как говорят мои новые друзья. Для защиты моей страны от наглых нападений я готов воспользоваться всей той мощью, что любезно готов предоставить в мое распоряжение уважаемый Вик-

тор Сергеевич. Вы все знаете, как я не хотел надевать корону своего брата. Но в настоящее время отказ от престола был бы равноценен измене Родине. Я только могу надеяться, что с помощью всех моих друзей я справлюсь с той ношей, которую возложил на меня Господь. Теперь, господа, давайте обговорим текущие дела. Сандро, что у нас с мирными переговорами?

– Через маркиза Ито Хиробуми мы передали наши предложения японскому императору Мацухито, – сказал Великий Князь Александр Михайлович. – Но ответа пока нет. С одной стороны, наши условия довольно тяжелы для японского самолюбия. Но, с другой, следует учитывать тот факт, что японский флот потерпел полное поражение, а японская армия, приготовившаяся отражать наше мнимое вторжение на Кюсю, отрезана от остальной Японии и ничем не может помочь столице. По некоторым сведениям, в провинциях формируются отряды самообороны из крестьян и мелких феодалов. Но единственное их оружие – это немного старинных ружей и бамбуковые копья. Однако мы не требуем ничего невозможного, и даже готовы поддержать Японию экономически, если она решит пойти на союз с Россией.

– Ну-ка, ну-ка, Сандро... – заинтересовался Михаил, – с этого места, если можно, поподробнее. Что за союз, с чего это японцам на него идти, и для чего он нужен нам? А то, пока я лежал в вашем, Виктор Сергеевич, госпитале, несколько отстал от жизни...

– Э-э-э... – растерянно протянул Александр Михайлович, – в условиях установления в Японии равноправия между синтоизмом и православием мы прорабатывали возможность брака старшей дочери японского императора Мацухито и младшего брата русского царя...

– Так, – кивнул головой император, – все-таки решили меня женить. Я помню разговор об этом. Только как на это посмотрит Мама? Она ведь подыскивала мне невесту исключительно в Германии, и все они почему-то были похожи на унылых коров с альпийских лугов. Впрочем, если это надо для России... Сандро, расскажи мне о моей будущей невесте: сколько ей лет и хороша ли она собой?

Александр Михайлович собрался с мыслями.

– Как ты помнишь, она дочь японского императора и зовут ее Масако. Ей шестнадцать лет, телосложения пропорционального, роста среднего, для японки на лицо весьма недурна...

– А, ладно, – махнул рукой Михаил, – главное, как я успел уже узнать, японские женщины послушны, почитают мужа за хозяина в семье и не лезут без спроса в его дела. Вот это мне нравится... – Он прошелся взад-вперед по салону. – К тому же я прекрасно понимаю ваш, Виктор Сергеевич, замысел. Россия и так уже слишком крепко связана с германской и англосаксонской Европой. Несмотря на все наши брачные союзы и торговые связи, нам больше ни на шаг не удастся расшириться в сторону Европы. Да и, честно сказать, нам

там делать нечего. Кроме того, в Европе царит какая-то иррациональная ненависть к России и всему русскому, что в будущем делает почти неизбежными жестокие войны между нами. Мой покойный брат был прав: Россия должна повернуться лицом на Восток, и этот брак с японской принцессой покажет азиатам, что мы видим в них не диких макак, а таких же людей, как и мы. Кроме того, когда я лежал в госпитале, то побеседовал с одним умным человеком, доктором с «Енисея». Дому Романовых нужна свежая кровь. За двести лет мы уже перероднились со всей Европой, и теперь пожинаем плоды этого близкородственного скрещивания. – Он вздохнул. – Так что, Сандро, Масако так Масако. Все дело за будущим тестем. В прочие инструкции, данные тебе покойным Ники, я вмешиваться не буду. С Японией нам надо как можно скорее мириться. Пообещайте им что-нибудь еще – ну например, что Россия возьмет на свое попечение вдов и сирот японских военных моряков, погибших во время этой войны. И не делай такие глаза: конечно же, после принятия ими православия и переезда их на наши незаселенные земли. У нас тут сто тысяч холостых солдатиков, которых после окончания службы можно женить на японских вдовушках и осадить на землю в Манчжурии. Но это все потом. А теперь о наших британских «друзьях». Виктор Сергеевич, чем они у нас там сейчас занимаются?

– Авиаразведка докладывает, что из Сингапура в Гонконг переброшены дополнительные силы, о ответил тот. – Броне-

носцев нет, в основном это крейсера и транспортные пароходы. На базе Вэйхавэй наблюдается массовая погрузка угля на корабли эскадры и прочая нездоровая суета. В течение суток или двух предполагается выход в море всего британского флота...

– А у нас в Порт-Артуре только береговые батареи, броненосцы-подранки и тетушка «Диана»... – вздохнул Михаил. – Виктор Сергеевич, я не могу вам приказывать, я вас прошу – при первом же подозрительном движении британцев в нашу сторону разнесите это осиное гнездо с воздуха вдребезги и пополам. Надо обезопасить наши тылы. Черт с ними, с этими конвенциями, которые подписал мой брат. Я их подписывать уж точно не собираюсь – как их не собираются подписывать и британцы. Как поступать с Гонконгской эскадрой в случае обострения, решите вместе с Евгением Ивановичем – вы моряки, вам и карты в руки. Требование лишь одно: в случае попытки британцев к нападению ни одной посуды под их флагом не должно остаться в море до самого Сингапура. Это будет урок и для наших хитромудрых бывших французских союзников. Теперь, господа, вопрос последний и самый важный. Мне как можно быстрее необходимо попасть в Санкт-Петербург... Виктор Сергеевич, это опять к вам.

– Я посоветовался с полковником Бережным, – сказал адмирал Ларионов, – и он категорически не советует вам ехать поездом. Англичане и их агенты сделают все, чтобы Император Михаил II так никогда и не попал в свою столицу. Он ре-

комендует послать по железной дороге отвлекающую группу, а вас мы планируем переправить подо льдами Арктики на атомной подводной лодке «Северодвинск». Это быстро, безопасно, и к тому же этот подводный боевой корабль может сразу же сломать англичанам все стратегические расчеты на Атлантическом ТВД. У меня все.

– Очень хорошо, – кивнул император Михаил, – а теперь, отец Иоанн, давайте помолимся за моего погибшего брата и его верных слуг, убитых злодеями...

**14 (1) марта 1904 года. 19:00.
Санкт-Петербург. Зимний дворец.**

Полковник Антонова Нина Викторовна.

Как это часто бывает в подобных случаях, события понеслись вскачь, словно взбесившийся мустанг. Я нахожусь в Зимнем дворце, в кабинете покойного императора Николая Александровича. Мы прибыли сюда из Аничкова дворца вместе с Вдовствующей императрицей Марией Федоровной; собрав все бумаги со стола царя, мы убрали их в секретер. А затем, в присутствии приехавшего из «Новой Голландии» начальника Дворцовой полиции генерала Ширинкина, я опечатала и секретер, и ящики стола.

Потом мы развернули в кабинете императора и его библиотеке что-то вроде временного штаба по подавлению мятежа. К тому времени Вячеслав Константинович фон Плеве, прибывший вместе с генералом Ширинкиным, развил бурную деятельность. Он поднял по тревоге всех жандармов и полицейские участки, приказал начать непрерывное патрулирование основных магистралей столицы Российской империи и вокзалов.

Прибывшие вскоре на Дворцовую моряки из Гвардейского флотского экипажа, павловцы и кавалергарды заняли позиции вдоль ограды Зимнего дворца и наглухо блокировали все входы и выходы из дворца Великого князя Владимира Александровича, а также казармы Преображенского полка на Миллионной. Эксцессов при этом практически не было. Лишь во время блокирования преображенцев несколько гвардейских офицеров попытались было прорваться через флотское оцепление, угрожая морякам всеми карами небесными. Но матросы, имеющие четкое указание поступать решительно и жестко, разоружили размахивающих револьверами преображенцев и сдали буянов прибывшим по вызову жандармам, которые тут же отправили их на Гороховую. Пусть там пока охолонут, а уж потом следственная комиссия, уже приступившая к работе, определит, что стало причиной такого неадекватного поведения офицеров: обычная гвардейская фанаберия или что похуже...

А Мария Федоровна тем временем вызвала отца Иоанна

Янышева – духовника ее сына и покойного мужа, – и тот начал в соборе Спаса Нерукотворного Образа Зимнего дворца приводить к присяге новому Императору Михаилу II придворных и командиров гвардейских полков.

Сенаторы, министры и командиры частей, расквартированных в Санкт-Петербурге, приходили во дворец в полном смятении. Еще бы: через двадцать три года император Российский в очередной раз стал жертвой цареубийц. Сначала – дед, а потом – его внук. В этом чувствовалось какое-то мистическое совпадение.

Генерал Ширинкин обратил мое внимание на то, что не все представители дома Романовых поспешили в Зимний, чтобы присягнуть новому императору. Некоторые, до того интриговавшие против Николая и Аликс, сказались больными и не приехали на присягу. Таких мы с Евгением Никифоровичем брали на заметку. Займемся ими позже...

Сейчас к нам в штаб прибежал дежурный офицер-павловец, и показал нам листовку, которую распространял некий субъект в студенческой шинели среди солдат, стоявших в оцеплении. Вот ее текст:

Товарищи солдаты и матросы!

Сегодня революционерами в центре Петербурга принародно казнен тиран и душегуб, царь Николай Кровавый. Он ответил за все совершенные им преступления против своего народа. И такая судьба ждет всех российских царей. Пора народу подняться и

сбросить с себя цепи самодержавия.

Солдаты! вспомните, что вы все вышли из народа, и что ваши братья и сестры, матери и отцы страдают под игом царя и помещиков. Поднимайтесь и присоединяйтесь к революционерам, и гоните в шею своих командиров.

Вместе с вами мы построим свободную республику, где каждый крестьянин получит землю и волю, а каждый рабочий – право на восьмичасовой рабочий день и на достойный заработок. Помните, что лишь в борьбе обретете вы право свое.

ЦК партии Социалистов-Революционеров.

– Ну вот, получен «привет» от эсеров, – сказала я генералу Ширинкину, прочитав это послание. – Надо заняться поиском господина-товарища Азефа. Чует мое сердце, все произошедшее сегодня на Большой Морской – его рук дело. Есть у нас кое-какие намеки, где он может находиться, но тут важна осторожность: если этого зверя спугнуть, он заляжет на дно, и ищи его потом. Он-то наверняка должен знать как непосредственного заказчика, так и тех лиц, что за ним стояли. Взрывчаточка при покушении использована нехарактерная для эсеров. В самом деле, откуда у этих самодельщиков тротил?

– Полностью согласен с Вами, Нина Викторовна, – буркнул Евгений Никифорович, – без этого мерзавца точно не обошлось... Эх, голубушка, промедлили мы, не отловили его вовремя, сплеховали – и вот теперь... – Ширинкин скрипнул

зубами. – Не уйду в отставку до тех пор, пока сей прохвост и все его покровители не угодят на виселицу...

Я не удивилась активности эсеров. Но меня тревожило то, что люди из окружения Великого князя Владимира Александровича не подавали признаков жизни. Правда, его отправка в Туркестан во многом спутала карты заговорщиков. Но его сын, будущий «царь Кирюха», а также сверхактивная супруга Михень, находились в настоящее время в Питере. Возможно, их напугало то, как мы быстро и решительно пресекли все попытки захватить Марию Федоровну и Великого князя Сергея Александровича, а затем блокировали их собственное логово... Но не может же быть, что они так легко сдались...

И словно в подтверждение моих мыслей, еще один офицер, на этот раз кавалергард, принес нам обращение к гвардейцам, подписанное Великим князем Кириллом Владимировичем, которое передал ему один знакомый преобразенец. В нем Кирилл призывал всех, кому дорога судьба России, присягнуть его отцу, который, узнав о трагической гибели своего племянника, срочно выехал из Ташкента в Петербург.

Далее в обращении говорилось, что «Великий князь Михаил Александрович погиб на Дальнем Востоке, но известие о его гибели скрывается Вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая хочет в обход действующего Закона о Престолонаследии короновать своего зятя, Великого

князя Александра Михайловича».

В общем, суть изложенного заключалась в следующем – присяга императору Михаилу II считалась незаконной и недействительной, а настоящим императором должен стать Владимир I, который, взойдя на престол, дарует всем своим подданным долгожданные свободы, представительные органы, Конституцию – словом, кучу всего того, что так стремятся получить любители поиграть в парламентаризм. Господа либералы жаждут «порулить», не неся при этом никакой ответственности за результаты подобной «рулежки». «Народу русскому» обещали тоже много чего. Словом, типичная предвыборная агитка – в свое время мне пришлось их видеть немало, когда еще в девяностые годы разного рода «радетели за общечеловеческие ценности» под радостный визг лохов охмуряли электорат. Потом эта песня перестала прокатывать, но и здешняя мелодия узнавалась очень легко. Господа денежные тузы возжелали порулить страной из-за спины парламента и слабого императора? Ну-ну, мы еще посмотрим, кто кем порулит.

В этом свете фраза «Новый император будет верен союзным договорам, подписанным еще его братом и отвергнутым племянником под влиянием авантюристов и темных сил, погубивших Великого князя Михаила Александровича» выглядела вполне логичной. Уж очень многих «богатых и влиятельных» прижала та история с французскими займами. Да, вот, оказывается, ради чего загорелся весь этот сыр-бор.

Я пометила это место желтым маркером и передала сей «Манифест царя Владимира I» генералу Ширинкину. Тот внимательно прочитал его, дошел до помеченных мною строк, и хмыкнул.

– Знаете, Нина Викторовна, – сказал он, – а я ведь ни минуты не сомневался в том, что где-нибудь высунутся уши наших зарубежных «друзей». И хотя Государя убили подданные Российской империи, оплачено царубийство было французским и британским золотом и преследовало иностранные интересы. Слишком уж многим успел насолить покойник за последний месяц. И про вас, Нина Викторовна, здесь тоже не забыли: «темные силы» – это ведь вы и ваши коллеги из будущего. – Милейший Евгений Никифорович улыбнулся, говоря последние слова.

Но мне было совсем не весело. Если эсеровская пропаганда имела мало шансов на успех, то смута в благородном семействе могла привести к тому, что произошло на Сенатской площади в декабре 1825 года. А вот это России в данный момент было совсем ни к чему. Требовалось срочно вытаскивать в Петербург с Дальнего Востока императора Михаила. Малейшее промедление могло закончиться катастрофой. И возможно, кое-кто из великих князей повторит судьбу царевича Алексея Петровича. По-иному эта история закончиться никак не может. Любой другой исход будет воспринят как непозволительная слабость власти.

О своих мыслях я рассказала генералу Ширинкину. Он

кивнул и сообщил, что полностью со мною согласен. К сожалению, фактор времени работал против нас. При теперешнем состоянии железнодорожного транспорта путешествие из Порт-Артура займет слишком много времени. Морским транспортом – еще больше. Гражданской авиации же еще не было и в помине. И лишь в одном он меня успокоил: у дворцовой охраны не было никакой информации о посланной в Ташкент телеграмме. А это значит, что или сообщение о «выехавшем Великом Князе Владимире» было блефом (что уже хорошо), или он участвовал в заговоре и заранее знал время покушения (вот это было бы совсем скверно). Истинность этой информации жандармы брались проверить в течение двенадцати часов. В крайнем случае можно будет направить навстречу Владимиру Александровичу жандармов и перехватить его в Вышнем Волочке или Бологом, где и взять под арест. Но, в любом случае, император Михаил II был нужен в Петербурге, как воздух.

И тут, как посланец судьбы, в кабинет сначала постучался, а потом и вошел дежурный радист. Он протянул мне бланк радиограммы, полученной только что от адмирала Ларионова. В нем было написано следующее:

Полковнику Антоновой Н.В.

Личный состав Российского флота на Тихом океане и сухопутные войска в Порт-Артуре и Дальнем присягнули Государю-Императору Всероссийскому Михаилу II. Сам он немедленно отбывает на АПЛ

«Северодвинск» через Северный Ледовитый Океан в Санкт-Петербург. Ожидаемое время в пути до Копенгагена – восемь с половиной суток, до Санкт-Петербурга десять с половиной суток.

Командующий объединенной эскадрой контр-адмирал Ларионов В.С.

Наместник Е.И.В. на Дальнем Востоке адмирал Алексеев Е.И.

Представитель Е.И.В. по особым поручениям Великий Князь Александр Михайлович.

– Ну вот, Евгений Никифорович, – сказала я, показав бланк радиограммы Ширинкину, – скоро вы все своими глазами увидите Императора Всероссийского Михаила Александровича. Надо немедленно доложить об этом Вдовствующей Императрице Марии Федоровне. Пусть готовится встречать сына и предупредит своих датских родственников, чтоб не чинили ему препятствий. А нам с вами к его прибытию надо навести порядок в столице. Времени у нас мало, так что трудиться придется не покладая рук...

14 (1) марта 1904 года. 19:15. Санкт-Петербург. Исаакиевская площадь, 11.

Посольство Германской империи.

День этот был ужасен. Весть о смерти кузена Ники при-

вела кайзера сначала в ужас, потом в ярость. Печальную новость принес адъютант Тирпица, сбегавший туда, где произошел теракт. По его словам, все дома в эпицентре взрыва стояли без стекол, а ресторан Кюба полыхал ярким пламенем, но его никто даже не пытался тушить. Вокруг черного горелого пятна в беспорядке валялись трупы и туши коней. Казалось, что в мирный город пришла война.

О гибели русского царя он узнал у обывателей, чудом уцелевших и теперь спешащих покинуть это проклятое место. Среди очевидцев было и несколько немцев – потомков тех, кто осел в Петербурге чуть ли не со времен царя Петра. Они-то и рассказали своему соплеменнику о страшной трагедии. Решив осмотреть ближайшие окрестности, адъютант быстро прошел по Гороховой улице к Адмиралтейскому проспекту. Там было все тихо. Адъютант решил вернуться в посольство и рассказать об увиденном своему начальству.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как навстречу со стороны Конногвардейского бульвара с диким воем вылетели и пронеслись в сторону Дворцовой площади несколько автомобилей, выкрашенных в темно-зеленый цвет. Изделия господина Даймлера по сравнению с этими машинами казались детскими игрушками. Первой ехала машина на восьми огромных, чуть ли не в человеческий рост, колесах, формой похожая на гроб. Кроме того, машина была вооружена длинной малокалиберной пушкой или тяжелым пулеметом, расположенным в маленькой башенке. Солдаты в стальных

шлемах и в чем-то вроде кирас темно-зеленого цвета сидели поверх корпуса, сжимая в руках оружие. О таких машинах немецкий офицер краем уха слышал от адмирала Тирпица, когда тот обсуждал с кайзером донесения, полученные от губернатора Циндао. Адмирал сказал, что такие бронированные машины, кроме всего прочего, способны сойти в воду с корабля, плыть по морю, и выйти на берег.

Следом за броневиком проскочила еще одна машина – поменьше, и явно предназначенная для важных пассажиров. А за ней прогудел настоящий великан – в его кузове было полно вооруженных матросов. Кто бы ни устроил этот теракт, он явно растревожил осиное гнездо.

Набравшись впечатлений по самые уши и поняв, что ничего интересного больше не произойдет, адъютант поспешил обратно в посольство. Такие вот они, немцы: орднунг – значит, орднунг.

На фасаде здания посольства не осталось ни одного целого стекла. И это посреди русской зимы. Хорошо, что стекольщики быстро исправили положение, хотя и взяли за свою работу немалые деньги.

Накинув на плечи шубу, кайзер выслушал новости посланца, а потом разразился длинной речью, полной проклятий и угроз убийцам его кузена.

Тем временем на улицах Петербурга появились конные и пешие патрули. Около трех часов дня мальчишки-газетчики стали бесплатно раздавать прохожим воззвание Вдовствующей

щей императрицы Марии Федоровны к подданным Российской империи о взошествии на престол императора Михаила II. Вот его текст:

О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России. О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению

**МЫ, БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ, ВДОВСТВУЮЩАЯ
ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА**

**Объявляем всем верным подданным ГОСУДАРЯ
НАШЕГО МИХАИЛА ВТОРОГО.**

Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного СЫНА НАШЕГО мученической кончиной.

В страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицем Всевышняго Бога, веруем, что Он не оставит НАС Своею Всесильною помощью.

Низкое и злодейское убийство Русскаго ГОСУДАРЯ, посреди вернаго народа, готоваго положить за НЕГО жизнь свою, недостойными извергами из народа, – есть дело страшное, позорное, неслыханное в России, и омрачило всю землю нашу

скорбию и ужасом.

Но, да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных подданных, всех любящих отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской власти. Под сению Ея и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великия смуты и приходила в силу и в славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ея.

Призываем всех верных подданных ГОСУДАРЮ МИХАИЛУ ВТОРОМУ и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, – к утверждению веры и нравственности, – к доброму воспитанию детей, – к истреблению неправды и хищения, – к водворению порядка и правды.

С.-Петербург, в 1-й день Марта, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвертое.

На подлинном Собственную ЕГО
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕ рукою
подписано:

«МАРИЯ»

Выслушав перевод и возблагодарив Господа за то, что в России еще остались разумные люди, кайзер Вильгельм тут же написал русской правительнице короткое послание с выражениями соболезнования и искреннего сочувствия, а также пожеланиями «подставить плечо в трудную минуту» и надеждой на грядущее плодотворное сотрудничество. Он

отправил с ним в Зимний дворец все того же адъютанта.

Когда стало смеркаться, на улицах, как обычно, зажглись газовые и электрические фонари, освещая путь прогуливающимся обывателям. Порядок в городе понемногу восстанавливался, но все-таки в душах петербуржцев тлело некоторая тревога, и это чувство разделялось и иностранными посольствами. По слухам, австрийское, британское и французское дипломатические представительства были наглухо заблокированы солдатами гвардейских полков: никого не впускали и не выпускали без разрешения министра внутренних дел Российской империи фон Плеве. То же самое было и с дворцом Великого князя Владимира Александровича, а также еще некоторых высокопоставленных сановников.

Войска, что находились у других посольств: датского, шведского, черногорского, греческого, итальянского, ну, и возле германского – напротив, выглядели, скорее, как почетный караул. Постоянно сменяющие друг друга солдаты одним своим видом поддерживали порядок, ничем не стесняя обитателей и не мешая входу и выходу посетителей.

Узнав об этом, кайзер Вильгельм лихо подкрутил усы: расчетливый политик стремительно сменил в нем скорбящего кузена.

– О, господа, – сказал он адмиралу Тирпицу и окружающим их адъютантам, – это воистину замечательно! У лягушатников и этих проклятых британцев, кажется, появились огромные проблемы. Зато наши акции на местной бирже по-

шли на повышение. Восточный колосс разворачивается лицом к трудолюбивой и честной Германии, и показывает зад жадным и лживым лондонским и парижским банкирам...

Неизвестно, чего бы он еще наговорил (кайзер имел такую слабость – закатывать длинные речи перед своими министрами), но в это время у подъезда посольства остановился автомобиль, из которого вышли министр Иностранных дел Российской Империи Петр Николаевич Дурново, и уже знакомый кайзеру и Тирпицу Александр Васильевич Тамбовцев. Лицо Петра Николаевича украшали многочисленные царапины и синяки, обильно смазанными йодом. При ходьбе он заметно прихрамывал и время от времени машинально хватался за правый бок. Похоже, что во время террористического акта досталось и ему. Тем не менее старый дипломат старался делать вид, что он бодр, здоров и готов к любому серьезному разговору.

Подпрыгивающий от нетерпения кайзер приказал немедленно пригласить к нему гостей. Раскланявшись с присутствующими, Петр Николаевич вручил Вильгельму II копию Манифеста о восшествии на престол императора Михаила II и объявил, что завтра этот Манифест будет опубликован во всех утренних столичных газетах, зачитан в храмах и передан по телеграфу во все губернские города.

Вот сам текст:

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

О мученической кончине Государя Императора

Николая II и о восшествии на прародительский престол
Государя Императора Михаила II.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, МИХАИЛ ВТОРОЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ
ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
ФИНЛЯНДСКИЙ

и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всем нашим верноподданным.

Господу Богу угодно было в неисповедимых путях
Своих поразить Россию роковым ударом и внезапно
отозвать к Себе ея благодетеля, Государя Императора
Николая II-го. Он пал от святотатственной руки
убийц, покусившихся на Его драгоценную жизнь. Они
посягали на сию столь драгоценную жизнь, потому
что в ней видели оплот и залог величия России
и благоденствия русского народа. Смирясь пред
тайнственными велениями Божественного Промысла
и вознося ко Всевышнему мольбы об упокоении
чистой души усопшаго Брата Нашего, Мы вступаем
на прародительский Наш престол Российской империи
и нераздельных с нею царства Польскаго и великаго
княжества Финляндскаго.

Подъемлем тяжкое бремя, Богом на Нас
возлагаемое, с твёрдым упованием на Его Всемогущую
помощь. Да благословит Он труды Наши ко благу
возлюбленнаго Нашего Отечества и да направит
Он силы Наши к устроению счастья всех наших

верноподданных.

Мы призываем наших верноподданных соединить их молитвы с нашими мольбами пред Алтарем Всевышнего и повелеваем им учинить присягу в верности Нам.

Занятые ратными заботами по отражению вероломного нападения на наши Дальневосточные пределы, Мы в кратчайшие сроки собираемся прибыть в С.-Петербург для восприятия на Себя всей полноты власти. До той поры призываем всех наших верноподданных неукоснительно выполнять все распоряжения нашей матери, вдовствующей Государыни Марии Федоровны, и всецело полагаемся в деле управления государством на Ея мудрость и государственный ум.

Любой же наш подданный, кто в этот тяжелый для нашей Родины час будет призывать к смуте, мятежу и неподчинению власти, будет считаться мятежником и бунтовщиком и должен будет ответить за свои дела перед богом и людьми.

Дан с борта крейсера «Москва» в составе Тихоокеанской эскадры Русского Императорского флота в 1-й день марта в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвертое, царствования же нашего в первое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

Михаил

Прочитав кайзеру манифест вслух и кратко переведя то,

что в нем содержалось, Петр Николаевич передал на словах, что император Михаил II продолжит курс, взятый его злодейски убитым братом, на дружбу и союз с Германской империей. Союзу России и Германии не страшен ни один противник в мире. В случае же их вражды победителей не будет. Точнее, будут, но ни Германии, ни России среди них не окажется. Конфликту между империями будут рады только англосаксы и французы.

Глава российской дипломатии добавил также, что переговоры о союзе между Россией и Германией продолжатся, как только Михаил II прибудет в Санкт-Петербург. А пока Его Величеству императору Германии предлагается обсудить несколько меньший по формату, но столь же важный документ, регламентирующий торговлю и мореплавание на Балтийском море. Чтобы только что созданная Антанта не смогла вмешиваться во внутренние дела Балтийских стран, необходимо официально закрыть туда доступ ее военным кораблям, не имеющим разрешения от стран Балтийского бассейна. Также следует сделать невозможным давление на любую из стран-участниц этого договора – под угрозой совместного выступления против страны-агрессора. Гарантами будущего соглашения станут Россия и Германия.

– Вы прекрасно понимаете, Ваше Величество, что такое развитие событий не устроит Британию, – добавил Дурново, – но к этой стране у нас свои счеты. Есть все основания предполагать, что за убийством императора Николая II стоят

в первую очередь британские, а уж затем французские интересы.

На вопрос кайзера, почему господин Дурново думает именно так, ответил Александр Васильевич Тамбовцев.

– Ваше Величество, – сказал он, – Империя, над которой никогда не заходит солнце, не терпит конкурентов – ни русских, ни немцев, ни тех же японцев, ни кого-либо еще. Они, и только они, по их мнению, должны властвовать над миром. И британцы стремятся к этому изо всех сил. А поскольку подлость их не имеет границ, то в этой войне за мировое господство они пользуются любыми, даже самыми грязными методами. Подкуп, обман, убийство, разбой, шантаж – все эти «достижения цивилизации» они продемонстрировали миру в последние годы. Вспомните про недавний геноцид буров в Южной Африке. Женщины и дети, погибшие в британских концентрационных лагерях от голода и жажды, были виновны лишь в том, что их мужчины не признавали над собой власть британской короны... Бандит наглеет от безнаказанности. Через три года англичане натравили на Россию Японию, при этом оставаясь в стороне. Япония разгромлена, но будьте уверены – британские лорды найдут, как и из этого, вроде бы невыгодного для них, положения извлечь выгоду. В их интересах было и убийство вашего кузена. Вместо него британцы хотели посадить на российский трон свою послушную марионетку. Пока у следствия нет стопроцентных доказательств этого, но будьте уверены: британский след в

этом деле виден даже невооруженным взглядом. Мы не знаем, каким будет их следующий ход, но хочу предостеречь Ваше Величество: опасайтесь британских козней. В Германии немало англофилов, и достаточно революционных радикалов. Если они не добились своей цели в России, то могут попробовать повторить тот же сценарий и на немецкой земле.

– Благодарю вас за предупреждение, господин Тамбовцев, – кивнул кайзер, – только я не несчастный Ники, который несколько легкомысленно относился к личной безопасности. Мы будем начеку, и, надеюсь, нам удастся избежать наихудшего варианта развития событий...

В этот момент кайзер ощутил себя машинистом на развилке. Перед ним было два пути: один вел в тупик, где Германию ждало крушение, другой же вел далеко на юг – к пальмам, к теплым морям и прочим радостям, которые расхватала жадная Британская империя, и не желала делиться с трудолюбивыми и аккуратными немцами.

Союз с Россией – правильный ли это выбор? Скорее всего, правильный, решил кайзер, поскольку альтернативный ему союз с Британией, которая привыкла обманывать союзников, отстаивая свои вечные интересы, не принесет Германии ничего хорошего. Завтра он лично поедет в Зимний дворец и будет разговаривать с вдовой императора Александра III, материю убитого императора Николая II и нового императора Михаила II. После злодейского убийства русского царя Германия будет готова в случае необходимости вступить в ев-

ропейскую войну на стороне России. Только желательно это делать, имея под рукой хоть какой-то договор...

15(02) марта 1904 года. Санкт-Петербург. Садовая улица дом 53. Меблированные комнаты.

**Глава Боевой организации партии
Социалистов-революционеров
Евно Фишелевич Азеф.**

В этот приезд в Санкт-Петербург я остановился не в шикарной гостинице, как обычно, а в скромных меблированных комнатах на Садовой – их сдавала уроженка Эстляндской губернии Елизавета Перно. Все удовольствие стоило 75 копеек в сутки. Я неслучайно выбрал это скромное и ничем не приметное жилище. Уж очень удобным было его расположение. До Исаакиевской площади и Большой Морской, где должно было все произойти, рукой подать – минут пятнадцать-двадцать неспешным шагом. Недалеко были Балтийский и Варшавский вокзалы, куда можно было бы отправиться сразу же после совершения теракта. Конечно, многие потом попеняли бы мне за то, что я сбежал в самый решительный момент, фактически бросив на произвол судьбы испол-

нителей акта возмездия над царем, но я бы сумел оправдаться – не впервой.

Ну а если совсем будет скверно, и жандармы будут дышать мне в спину, то можно укрыться в Коломне, в еврейском квартале. У меня там много знакомых, которые могли бы на время укрыть меня, а потом переправить из этого проклятого города. С теми деньгами, что заплатили мне британцы за убийство императора, я смогу ухать на другой конец света, чтобы весело проводить время. Денег хватит надолго. Документы же на имя жителя одной из южноамериканской страны, где всегда тепло и женщины любят ласковых и щедрых мужчин, у меня уже были готовы.

Только боюсь я, что не выдержу... снова ввяжусь в какую-нибудь авантюру. Для меня главное даже не деньги, и не власть над людьми, а то непередаваемое ощущение, когда лишь ты один решаешь, жить этому человеку или умереть. Когда посылаешь боевика на смерть и он благодарит за оказанное доверие... Это чувство слаще любви женщины, крепче вина. Это как наркотик, и от него так же трудно отвыкнуть, как от ежедневного укола морфия.

Я стоял в начале Вознесенского проспекта, рядом с Мариинским дворцом, когда позвучал первый, самый мощный взрыв у ресторана Кюба. На Исаакиевской, у входа в германское посольство, находилось несколько человек – судя по одежде высокопоставленные лица. Услышав взрыв, они в панике заметались, а потом скрылись в дверях посольства. Я

злорадно ухмыльнулся.

«Будут и у вас в Берлине взрывы, господа германцы, и до вашего кайзера мы с нашими немецкими камрадами доберемся...» – подумал я.

По Вознесенскому проспекту я отправился к дому мадам Перно. Мимо меня по направлению к Мариинскому дворцу проскакало несколько конных жандармов, пробежали городовые, смешно прижимая к бедру свои нелепые сабли-«се-ледки». Работы у них сегодня и во все последующие дни будет немало. А мне надо было думать, как побыстрее выбраться из Петербурга.

В меблированных комнатах жили в основном земляки хозяйки – эстонцы, приехавшие по делам в столицу. Не все они достаточно хорошо знали русский язык, да и особо разговорчивыми их было трудно назвать. Поэтому я не стал их расспрашивать о слухах, которые ходят по городу. Чтобы отвлечься от дурных мыслей, я привел вечером в свой номер проститутку, которую нашел тут же, у входа в дом мадам Перно. Хозяйка меблированных комнат, похоже, была заодно и бандершей, предоставляя клиентам не только «нумера», но и девиц легкого поведения. До самого утра я развлекался с девицей. По своему опыту скажу, что сразу после очередного теракта, когда испытываешь ни с чем не сравнимый азарт, особенно хочется женщину – причем такую, которая с которой можно делать все, что придет в голову...

Утром, выпроводив проститутку и позавтракав остатками

вчерашней трапезы, я решил выбраться ненадолго в город и узнать последние новости. Я сменил внешность – надел дешевый костюм, поношенное пальто и потрепанную шляпу. Посмотрев на себя в зеркало, я увидел, что в этой одежде стал похож на небогатого обывателя, которых в районе Сенного рынка пруд пруди. Нацепив очки в простой стальной оправе, я вышел на улицу и побрел в сторону рынка. Как известно, все городские новости и сплетни можно узнать именно там.

Бродя по рядам и прицениваясь к продуктам и прочим товарам, я слушал, о чем болтали продавцы и покупатели. А новостей было много. Царь Николай II был убит, и с ним вместе погибло несколько всадников конвоя и городских. Во время взрыва пострадало еще множество зевак. Убиты были и мои люди, непосредственно участвовавшие в теракте. Это было хорошо. Плохо другое...

Как все-таки здорово, что я вчера сразу же не бросился на вокзал, чтобы взять билет и уехать из Петербурга. Оказывается, власть в городе недолго была в растерянности после гибели царя, и быстро стала принимать меры по наведению порядка и розыску организаторов покушение.

С шепотом и оглядками один еврей, торгующий поношенной одеждой (как я понял – краденой), рассказал мне о каких-то невиданных ранее людях в пятнистой форме, разъезжающих по улицам столицы на огромных автомобилях. Именно они перебили офицеров-преображенцев, попытав-

шихся взять штурмом Мариинский дворец и захватить мать царя, Вдовствующую императрицу Марию Федоровну.

– Вы бы видели их лица... – закатывая к небу глаза, говорил торговец, – это настоящие головорезы, для которых убить человека проще, чем моей Хайке съесть картофельный кнейдлах! Бац-бац – и в саду у Аничкова дворца остались одни лишь трупы. – Он в ужасе посмотрел на меня и добавил: – если бы вы, ребе, слышали, что они говорили о тех, кто убил царя! Ох, не хотел бы я быть на их месте...

Кстати, от него узнал я и о том, что жандармы и военные взяли под контроль все вокзалы и заставы на выезде из города, так что теперь всем отъезжающим вменялось не только предъявить документы при покупке билетов на поезд, но и обращаться в полицию, чтобы получить специальное разрешение на то, чтобы покинуть Санкт-Петербург.

После этой беседы настроение у меня стало совсем скверным, и я, пообедав в кухмейстерской неподалеку от рынка, побрел в меблированные комнаты. Надо было думать, как выбраться из этой заварухи. Судя по всему услышанному, город был заперт так же тщательно, как клетка канарейки на окне у сапожника. Утешало лишь одно – во время теракта погибли его исполнители, и о моем участии в нем практически никто не знал. Мистер Уайт (или как там его на самом деле) наверняка уже за пределами Российской империи, а знатные особы, имеющие отношение к убийству царя, не знают, кто именно его организовал.

Главное, что дело сделано, а деньги мною получены. К господину Алексею Александровичу Лопухину – директору департамента полиции, одному из тех немногих, кто хоть что-то знал обо мне, я обращаться не буду. Надо, чтобы он совсем обо мне забыл. Чутье подсказывало, что именно с него начнут эти вдруг откуда-то взявшиеся «пятнистые», а также рыскающие по городу жандармы, которые сейчас просто землю роют в поисках членов «Боевой организации». Будь я на их месте, я бы именно так и сделал – а значит, будем держаться от департамента полиции подальше. И вообще, у того, кто прячется – сто дорог, а у того, кто ищет – только одна. Успокоив себя такими рассуждениями, я двинулся по Садовой.

Войдя в дом мадам Перно, я стал подниматься по лестнице. Чувства мои обострились, как у загнанного зверя. Но ничего подозрительного я не заметил, и, достав из кармана пальто ключ от номера, открыл им дверь.

Неожиданно кто-то сильно ударил меня в солнечное сплетение. Мир вокруг перевернулся, и я на какое-то время потерял сознание. Очнулся от того, что чья-то рука довольно сильно шлепала меня по щеке. Я сообразил, что лежу на полу лицом вниз, а руки мои связаны за спиной. Открыв глаза, я увидел то ли ботинки, то ли сапоги – высокие, шнурованные, явно хорошего качества... Кряхтя, я приподнял голову повыше.

На старом венском стуле напротив меня сидел молодой

мужчина, с ярко выраженной внешностью уроженца Кавказа, одетый в военную форму странного покроя, покрытую разводами черного, темно-зеленого и коричневого цвета. Он нехорошо смотрел на меня и улыбался.

– Очухался, гнида, – сказал он даже как-то ласково, – вот и пришла пора тебе ответить за все твои подлые делишки... Александр Васильевич, – обратился он к кому-то, кто, как я понял, стоял позади меня, – вот, полюбуйтесь: сам Евно Азеф, в полном своем непотребстве. Сопротивления не оказал, хотя и держал при себе в кармане «браунинг»... – «пятнистый» достал из своего кармана мой пистолет. – Но от полноты впечатлений при нашей с ним встрече даже как-то обоссался.

Только сейчас я почувствовал, что лежу в луже чего-то теплого...

За моей спиной раздался хриловатый баритон:

– Да, Николай Арсеньевич, это он самый – главный злодей собственной персоной. Евно Фишелевич Азеф: он же «Иван Николаевич», он же «Валентин Кузьмич», он же «Толстый».

Перечислив все мои партийные псевдонимы, невидимый мне Александр Васильевич, к моему ужасу, продолжил:

– Он же – «Раскин», высокооплачиваемый агент охраны и по совместительству агент британской разведки, завербованный англичанами еще в бытность его учебы в Карлсруэ. Не так ли, уважаемый ребе?

Похоже, этот человек, знающий всю мою подноготную,

просто надо мною издевался...

– Золстлэбм обэрнитланг! – сказал я, неожиданно вспомнив ругательство своей далекой молодости. В переводе с идиша оно означало: «Чтоб ты жил, но недолго!».

Каково же было мое удивление, когда неизвестный ответил мне на моем же родном языке:

– А богегениш золстн хобн мит а козак («Чтоб ты повстречался с казаком»)! – И добавил немного погодя: – С казаком тебе вряд ли придется встретиться, но думаю, что наши ребята вполне сумеют заменить тебе это удовольствие.

Затем он обратился к «пятнистому»:

– Ладно, товарищ старший лейтенант, хватит тут упражняться в остроумии с этим шлимазлом. Давайте, для полного потрошения везите его к нам на базу, там мы с ребе Азефом сможем поговорить не торопясь и более предметно...

От слов «товарищ» и «потрошить» я на какое-то время впал в ступор. Но тут по лестнице прогремели чьи-то шаги, на мою голову и плечи набросили плотный мешок из черной ткани, потом неизвестные подхватили мое упакованное, как у мумии фараона тело и потащили его, то есть меня, в неизвестном мне направлении.

15 (2) марта 1904 года. 8:05. Тихий океан 25 градус с.ш. 132 градус в.д. Гвардейский ракетный крейсер «Москва».

Ранним утром посыльный принес маркизу Ито короткую записку. В ней сообщалось, что глава русской делегации Великий князь Александр Михайлович хотел бы видеть его в адмиральском салоне, чтобы сделать экстренное сообщение. Теряясь в догадках, маркиз поспешил одеться и проследовал туда, где он ежедневно встречался с главой русской делегации, работая над текстом трехстороннего российско-корейско-японского мирного договора, где Российская империя и Корея, перешедшая под протекторат адмирала Ларионова, были победившей стороной, а Япония – побежденной. Отдельными строками в договоре – на это пришлось согласиться – было прописано о восстановлении суверенитета архипелага Рюкю и острова Окинава, а также придании православию статуса второй официальной религии Японской империи. Тем более что на божественное происхождение микадо русские не покушались.

Цусимский архипелаг считался арендованным на 99 лет под военно-морскую базу Тихоокеанского флота. Курильская гряда пошла как приданое принцессы Масако, и должна была стать ее личным владением, находящимся под совместным управлением Российской и Японской империй.

К Российской империи эти острова отойдут лишь тогда, когда прямые потомки императора Мацухито взойдут на российский престол. В противном случае право владения будет передаваться в роду по старшей мужской линии.

Копий по этому вопросу было сломано много, но японский император, смирившийся со всеми остальными потерями, твердо стоял на своем. Выданная замуж в далекий «варварский» Петербург, его дочь должна иметь свой, особый статус правящей хоть небольшой, но все же территорией, владетельной персоны – что подразумевало максимально уважительное отношение к ней. Еще в договоре упоминалось о компенсации, которую Япония должна была уплатить за вероломное нападение на Корею и Российскую империю.

Денег у Японской империи для выплаты контрибуции не было, но решение этой проблемы все же нашли. Договорились, что Япония продаст или сдаст в аренду Германии остров Формоза, доставшийся ей после победы над Китаем в войне 1895 года. Вот эти-то деньги и поступят России и Корее в качестве компенсации.

При этом и Великий князь Александр Михайлович, и адмирал Ларионов заверили маркиза Ито, что как минимум половина этой суммы вернется в Японию в качестве заказов, размещенных на ее промышленных предприятиях. Другим путем, ввиду недостаточной пропускной способности Транссиба, ускоренную индустриализацию Российского Дальнего Востока, Кореи и Манчжурии провести было просто невоз-

можно.

Имелся в договоре пункт и о том, что Российская империя и Корея являются гарантами территориальной целостности Японии, лишенной права иметь вооруженные силы, за исключением пограничной охраны и полицейских сил местной самообороны. Вышеперечисленные державы берут ее под свою охрану. Любое государство, совершившее акт агрессии в отношении Японии, автоматически будет считаться находящимся в состоянии войны с вооруженными силами Российской империи и Кореи.

В общем, текст договора был практически готов, вчерне согласован с обоими императорами. Оставалось лишь официально его подписать, при этом от лица японского императора свою подпись должен был поставить премьер-министр и министр иностранных дел маркиз Ито Хиробуми, а от лица Императора Всероссийского – его специальный представитель Великий князь Александр Михайлович. Поэтому, входя в адмиральский салон, маркиз Ито до последнего момента не подозревал, что именно ему хотели ему сообщить российские представители в столь ранний час.

Японского дипломата встретили адмирал Ларионов, Великий князь Александр Михайлович и Великий князь Михаил Александрович. Все трое были с траурными черными повязками на рукавах. Маркиз Ито продолжал теряться в догадках до тех пор, пока Великий князь Александр Михайлович с печалью в голосе не сообщил ему печальную весть.

– Господин Ито, с глубоким прискорбием сообщаю вам, что двенадцать часов назад был злодейски убит Император Всероссийский Николай II. Он стал жертвой террористического акта, совершенного по наущению агентов некоторых иностранных государств. Подданные Великой Российской империи преисполнены глубочайшей скорбью. В государстве объявлен траур. Поскольку погибший император Николай не имел наследника мужского пола, то на престол Российской Империи взошел его младший брат Михаил.

И Великий князь с полупоклоном указал маркизу на бледного и осунувшегося брата покойного владыки.

Сделав паузу, чтобы японец мог осмыслить сказанное, Великий князь Александр Михайлович зачитал маркизу Ито оригинал Манифеста императора Михаила II о восшествии на престол.

Придя в себя от столь неожиданной новости, маркиз низко склонился перед Михаилом и сказал:

– Ваше Императорское Величество, народ Японии вместе с народом России также будет искренне скорбеть о кончине русского императора, а японское правительство будет надеяться, что виновные в этом злодеянии будут достойно наказаны. Такие преступления нельзя оставлять безнаказанными, а возмездие обязательно должно настичь злодеев, где бы они ни находились.

– Мы тоже так считаем, Ваша Светлость, – ответил Михаил, – и я уже дал клятву найти и покарать всех, кто имел от-

ношение к смерти моего брата. Но не будем сейчас говорить об этом. Следствие только началось, и вообще, месть – это блюдо, которое подается в холодном виде. Также хочу заверить вас, что не изменю ни одной буквы в договоре, который был согласован с моим покойным братом, и готов лично подписать его вместе с вашим императором, совместив это с церемонией моей помолвки с его дочерью. Сделать это надо как можно быстрее, поскольку мне необходимо немедленно отбыть в Санкт-Петербург для принятия в свои руки всей власти в государстве.

Маркиз Ито сокрушенно подумал, что, похоже, теперь Курилы будут навсегда потеряны для Японии. Хотя, с другой стороны... Появляются реальные возможности хоть как-то компенсировать ущерб, который нанесла Японии эта идиотская война. В конце концов, теперь японская принцесса станет не женой одного из правнуков императора Николая I, которых в России уже несколько десятков, а царствующей императрицей, что даст ей совершенно другой статус. Теперь уже точно никто не посмеет напасть на Японию, где правит тесть русского царя.

Как политик и дипломат, маркиз Ито мгновенно просчитал все плюсы и минусы, и решил выжать максимум из сложившейся ситуации. Еще раз низко поклонившись новому русскому самодержцу, он сказал:

– Если мне будет предоставлена возможность, то я немедленно сообщу об этом моему императору, назначив встре-

чу вашего корабля с крейсером «Цусима» ровно через сутки в пятидесяти милях восточнее Иокогамы. Мы знаем, что у вас очень быстроходные корабли, так что, я полагаю, Ваше Величество успеет встретиться с моим Повелителем. Честь имею, господа!

– Подождите, – остановил его Михаил, – передайте моему царственному брату, императору Мацухито, чтобы и он усилил свою охрану и позаботился о безопасности родственников и моей будущей супруги. Следствие по делу о покушении на моего брата только началось, но британский след в нем просматривается явственно. Договор, который нам завтра предстоит подписать, крайне невыгоден Британской империи – а эти джентльмены привыкли не стесняться методов, с помощью которых они убирают тех, кого считают врагами.

– Действительно, – поддержал русского царя Великий князь Александр Михайлович, – «Война года Дракона» закончилась тридцать пять лет назад, и еще живы безумцы, готовые отомстить победителю. Нам совсем не хочется увидеть на островах державы Ямато повторение той давней бойни...

Маркиз Ито склонил голову, и тихо спросил:

– Ну, а если в результате такой войны ваш император станет полным господином моей родины?

– Даже в этом случае мы будем против, – вместо Александра Михайловича ответил император Михаил, – тем более что наша вера прямо запрещает братоубийство, а люди, совершившие таковое, считаются проклятыми. Я буду готов

вмешаться в события на Японских островах только в том случае, когда ваш народ сам попросит меня уберечь его от смуты. Но если ваше правительство выполнит свои обязанности надлежащим образом, то это разговор о повторении «Войны года Дракона» останется лишь разговором.

– Благодарю, Ваше Величество, – поклонился маркиз, – я понял вас, и с благодарностью принимаю как ваше предостережение, так и добрые слова о моем народе и моей стране. Что еще передать моему монарху?

– Соединенная британская эскадра, находящаяся сейчас в Гонконге, в любой момент готова выйти в море, – сказал адмирал Ларионов. – Согласно данным нашей разведки, англичане собираются захватить остров Формоза в качестве залога по кредитам, выданным Японской империи для строительства флота, и для подготовки войны с Россией. Как только ваш император подпишет договор с нами, русская эскадра после передислокации с Окинавы на Формозу сумеет отразить нападение англичан. Но, господин Ито, нам надо поспешить, время не ждет.

– Спасибо за предупреждение, – мрачно отозвался Ито Хиробуми, – ваши «призраки» лишили нас связи с материком, и мы сейчас в Токио едва ориентируемся в том, что происходит вне Японских островов. Полагаю, что как только боевые действия прекратятся, вы поможете нам восстановить связь Японии с внешним миром... – Он обвел присутствующих взглядом. – Надеюсь, господа, что это была последняя

новость для моего императора?

– Да, Ваша светлость, – кивнул император Михаил, – последняя. Предайте вашему повелителю мои пожелания крепкого здоровья и долгих лет жизни. И скажите ему, что для Японии ничего еще не кончилось, а, напротив, все только начинается.

– Я запомню эти слова, Ваше Величество, – с поклоном ответил маркиз Ито, – а теперь разрешите мне уйти, чтобы я мог составить донесение для моего императора.

Через пятнадцать минут после этой беседы в кабельтове от «Москвы» из морских глубин всплыла атомная подводная лодка «Северодвинск». Ее команда начала погрузку на свой борт запасов продуктов и всего необходимого для перехода на Балтику подо льдами Северного Ледовитого океана. Задача, мягко говоря, нетривиальная даже для такого совершенного корабля. В советское время за такой переход командир лодки получал звание Героя Советского Союза, как за полет в космос. Но нетривиальное – не значит невозможное.

Капитан 1-го ранга Верещагин по поводу этого перехода особо не переживал. По-настоящему узким местом для его «Северодвинска» станет лишь форсирование Берингова пролива в зимнее время. Но в этом ему поможет теплое течение, проходящее через пролив из Тихого в Северный Ледовитый океан. Эта настоящая река теплой воды гарантировала по чистое дно маршруту следования и сравнительно небольшую толщину плавучих льдов. А за проливом, где

это течение исчезало, глубины были уже подходящими для безопасного следования крейсерским ходом через Северный полюс...

**15 марта (02 марта) 1904 года.
Вечер. Япония, Токио, Дворец
императора «Кодзё». Заседание Гэнро.**

Присутствуют:

Мацухито – император Японии.

**Ито Хирабуми – представитель Японской
империи на переговорах с Россией.**

**Ямагата Аритомо – начальник
Генерального штаба Японии.**

**Мацуката Масаёси – бывший премьер
и бывший министр финансов Японии.**

Итодзиро Кэйдзи – бывший министр

более уважаемых руководителей правительства Японии – проходило во дворце сто двадцать второго императора страны Ямато. Вопрос сегодня решался поистине судьбоносный – быть или не быть Империи.

Маркиз Ито Хирабуми, прибывший с переговоров о мире на летающей по воздуху машине пришельцев из будущего, проинформировал членов Гэнро о мирных предложениях русских. После того, как присутствующие в этом зале вельможи ознакомились с текстом предлагаемого договора, то наступила, как любят писать литераторы, оглушительная тишина. Император со своими самыми верными соратниками (которым тот был обязан не только тронem, но и жизнью) тщательно обдумывали изложенное в этом документе.

Узнав от маркиза Ито об убийстве российского императора Николая II, члены Гэнро поначалу воодушевились. Они рассчитывали, что в начавшейся смуте победителям будет не до побежденных, и Стране Восходящего Солнца удастся выйти с честью из сложившейся катастрофической ситуации. Но Ито Хирабуми заверил их, что новый русский император, как истинный самурай, смел, решителен и умен, а в критических случаях беспощаден. В случае отказа присутствующих здесь принять его предложения он готов довести начатую в правление его покойного брата войну до победного конца. Так что лучше согласиться на все те условия, которые выдвинули сынам богини Аматаэрасу эти гэйджины. Япония не могла вести войну против них, а уж тем более по-

бедить, поскольку воевать с ними – столь же бессмысленное занятие, как сражаться с тайфуном, землетрясением или цунами. Воинам микадо противостояла неодолимая сила.

Маркиз Ито рассказал о том, что он видел сам, побывав на двух «кораблях – демонах», которые в случае продолжения боевых действий не оставили бы храбрым морякам императорского военно-морского флота никаких шансов не только на победу, но и на выживание.

Ямагата Аритомо, как начальник Генерального штаба, прямо заявил, что императорская армия деморализована, и боевых действий вести не может. Она готова жертвенно умереть за императора, но в победу уже никто не верит. К тому же наиболее боеспособные части пленены русскими в Корее или блокированы на островах Цусима и Кюсю, так что не смогут помешать русским войскам, уже захватившим Окинаву, высадиться на любом из островов Японии. Если они захотят, то могут выбросить десант хоть на причалы Иокогамы. О том, что осталось от императорского флота лучше вообще не вспоминать – его фактически нет.

– Подведя итог всему сказанному, – поклонился Ямагата Аритомо присутствующим, – скажу лишь одно – воевать Япония не может, и единственным спасением ее от вражеского нашествия может быть немедленное подписание мирного договора с Российской Империей. Если мы не хотим разбиться вдребезги, как кусок яшмы, мы должны покориться неодолимой силе.

Император, с бесстрастным лицом слушавший выступление человека, который в 1877 году подавил восстание неистового Сайго Такамори и фактически спас страну от затяжной гражданской войны, помрачнел. Он хорошо знал графа Ямагата и ценил его – не только как храброго военачальника, но и как тонкого политика. И если даже он не видит выхода из создавшегося положения, значит, надо срочно соглашаться с предложениями русских.

Мацуката Масаёси, в свое время занимавший пост министра финансов и являвшийся основателем государственного банка Японии, был тоже настроен пессимистически. Он прямо заявил, что сношения с внешним миром прерваны, казна пуста, новых займов Японии уже никто не даст, и денег на закупку вооружения и сырья для производства военного снаряжения и боеприпасов тоже нет. Если же Россия потребует у побежденных возместить нанесенный ей ущерб, или, что еще хуже, контрибуцию, то Японская Империя может сразу объявлять себя банкротом.

– Предложение сдать в аренду Формозу может стать для нас спасением, – сказал Мацуката Масаёси, – эти деньги будут тут же переданы России, но, как сообщил нам уважаемый маркиз Ито, русские направят их снова в Японию, простимулировав тем самым нашу отечественную экономику. То есть они фактически останутся в стране и помогут избежать нам послевоенной разрухи. Это просто замечательно!

– Я полностью согласен с уважаемым Мацуката-саном, –

сказал граф Иноуэ Каору, который в кабинете маркиза Ито был министром внутренних дел, а помимо этого, являлся основателем концерна Мицуи и занимался в императорском правительстве вопросами промышленности. – Запрет на вооруженные силы и военно-морской флот позволит нам сократить до минимума военные расходы и направить высвободившиеся деньги на развитие промышленности. Войны выигрываются и проигрываются, а жизнь тем временем продолжается. Россия обеспечит нас заказами, наши заводы и фабрики будут интенсивно трудиться, что позволит обеспечить работой десятки тысяч японцев. А русское сырье для наших предприятий? Господа, я бы не стал драматизировать создавшуюся ситуацию, видя в ней лишь плохое. В ней есть немало и того, что пойдет на пользу нашей стране. Если русским нужна наша промышленность, то этим надо воспользоваться.

Император Мацухито начал свою речь в тишине, сгустившейся после выступления графа Иноуэ Каору – это значило что японский монарх уже пришел к определенному решению.

– Конечно, мы потеряем Корею, Формозу, Окинаву, архипелаг Рюкю и Курильские острова, – сказал он. – Это плохо, но все могло быть гораздо хуже, окажись нашими победителями не русские, а, к примеру, те же англичане. Пример Китая, которого британцы и примкнувшие к ним другие европейские стервятники обглодали как раненого оленя после

Опиумных войн, у вас перед глазами. Да, мы проиграли войну, зато мы обрели Россию.

Заметив недоуменные взгляды некоторых членов Гэнро, микадо добавил:

– Поясню свою мысль. Собственно, территория Японии осталась фактически неприкосновенной. И при этом мы получили доступ к промышленности и богатствам огромной России. Ведь, как я понял из сообщения уважаемого маркиза Ито, нам будет разрешено основывать фирмы и строить фабрики и заводы на территории Российской империи. Это так?

– Именно так, Ваше величество, – почтительно ответил Ито Хирабуми, – при условии, естественно, соблюдения нашими предпринимателями российского законодательства и выплаты всех положенных налогов и отчислений.

– Вот и отлично, – кивнул император, – пусть наши промышленники блюдут российские законы и платят налоги. Однако, используя построенную русскими Транссибирскую магистраль, мы сможем беспрепятственно продвигать японские товары в Европу, завоевывая новые рынки, а японские финансисты с помощью йены будут проникать туда, куда никогда не смогли бы проникнуть солдаты нашей доблестной армии.

Мацуката Масаёси и Ионуэ Каору дружно закивали головами, поддерживая эти слова. Финансы и промышленность требовали долгого и крепкого мира. Но у графа Ямагата име-

лось несколько иное мнение, которое он и высказал:

– Но, ведь живя за пределами Японии и подчиняясь российским законам, находясь в окружении русских, японцы быстро забудут об обычаях своих предков и через несколько поколений превратятся в русских... Нет ли в этом опасности для всей нашей нации?

– Возможно, что такая опасность и существует, – задумчиво произнес император, – но ведь наши подданные и без того в поисках работы каждый год тысячами уезжают в другие страны. Вы знаете, что не всегда их там встречают как желанных гостей. А в России – стране, где мало внимания обращают на цвет кожи и разрез глаз – наши люди займут достойное место среди местных жителей. Тем крепче будет связь между нашими странами, и тем доброжелательней будут взаимоотношения между нашими народами. А насчет опасности для нации... Ведь на саму Японию эти русские не покушаются, не так ли, маркиз Ито?

– Именно так, Ваше Величество, – подтвердил тот, – кроме требования считать православие такой же официальной религией в Японии, как и религию Синто. Но я полагаю, что в православии, которое является ветвью христианства, в отличие от прочих ее ветвей, не приветствуется насильственная христианизация. Так что, заняв определенную нишу в сознании японского народа, православие едва ли вытеснит религию наших предков. Ведь буддизм, пришедший к нам сотни лет назад из Кореи, не сумел вытеснить из сознания

японцев культ Синто. Думаю, и православие прекрасно уживется с ним. Равноправие – это не доминирование. И, самое главное, русские совсем не покушаются на принцип божественного происхождения микадо, а значит, между Синто и православием отсутствует принципиальный конфликт.

Затем снова заговорил микадо:

– И последнее... Это то, что касается предложения о женитьбе нового русского императора на моей дочери Масако... Мне нелегко расстаться с нею, отдавая ее в жены человеку, пусть и владеющему одной пятой мира, но чуждого нам по вере и обычаям. Никогда замуж за иностранцев еще не отдавали девушек, в чьих жилах текла кровь Дзимму, потомка богини Аматаэрасу и первого императора страны Ямато. Но все меняется в нашей стране... Не так давно мы носили кимоно, а теперь надели европейские мундиры. Япония меняется на наших глазах, и мы меняемся вместе с ней. Поэтому пусть будет так, как должно быть. Напав на Россию, моя страна совершила ошибку, и я приношу в жертву миру между русским и японским народами собственную дочь – самое дорогое, что у меня есть. Да будет так... Моя дочь, став женой русского императора, родит ему сына, а мне – внука. Однажды он взойдет на императорский трон в Петербурге, и вся Япония вместе со мной будет гордиться тем, что потомок легендарного Дзимму правит не только маленькой Японией, но и огромной Россией. Вместе с моей дочерью ко двору русского царя попадут и знатные молодые люди из благородных

японских семей. Как я слышал, русские, в отличие от прочих европейцев, не страдают расистскими предрассудками и принимают как равных представителей иностранных дворянских фамилий?

– Да, Ваше Величество, – ответил Ито Хиробуми, – я знаю, что потомки азиатского властителя Чингисхана считаются среди российской аристократии даже выше потомков Рюрика, от которого вели свой род первые русские цари.

– Вот и отлично, – сказал император Мацухито, – будет замечательно, если отпрыски японских знатных фамилий займут достойное место среди российских вельмож.

– Значит, решено, – император встал, подводя итог заседанию Гэнро. – Маркиз Ито, я поручаю вам завтра в полдень подписать от моего имени мирный договор между Российской и Японской империями. А также я попрошу заменить меня при передаче моей дочери Масако в руки ее русского жениха. Передайте русскому императору, что мы понимаем всю спешку, которая делает невозможным соблюдение многих необходимых при этом формальностей, и благодарим русских друзей за предупреждение о коварных замыслах британцев...

16 (03) марта 1904 года. Утро. Санкт-Петербург. Новая Голландия. Главное Управление Государственной Безопасности.

Бывший глава Особого отдела Департамента полиции Зубатов Сергей Васильевич.

Моя жизнь в очередной раз круто изменилась. Еще сутки назад, утром второго марта, ничего не подозревая, я тихо и мирно завтракал, попивая чаек на своей съемной квартире во Владимире. Но, тут, одновременно с весьма огорчившим меня известием об убийстве Государя, ко мне на квартиру явились люди, посланные начальником Дворцовой полиции генералом Ширинкиным. И довольно грубо предложили мне следовать с ними в Санкт-Петербург, в качестве свидетеля по делу о покушении на Государя. При этом они обращались со мной так, словно я был подозреваемым в цареубийстве.

Двое агентов Дворцовой полиции были на удивление молчаливы, и словно не слышали меня, не ответив ни на один мой вопрос. Такими же нелюдимыми оказались и трое сопровождавших их армейских чинов во главе с унтером. Весьма странная, скажу я вам, компания...

На двух извозчиках мы доехали до вокзала, где сели в по-

езд, следовавший в Москву. При этом агенты Евгения Никифоровича меня сразу предупредили, что бегать от моих сопровождающих в странных пятнистых мундирах не стоит. Люди они молодые, специально тренированные, и шутя догонят такого как я, тем более мне через три недели исполнится сорок лет.

Вздыхнув, я смирился, хотя, сказать по правде, не видел смысла бежать. Да и куда убежишь-то? Моя ссора с господином Плеве не оставляла мне никаких надежд: я знал, что человек он мстительный и злопамятный, и никогда не забудет мне того заговора, который должен был закончиться отставкой министра. Будь проклят этот интриган Витте, втравивший меня в эти придворные дразги, которые поставили крест на моей карьере. Правда, откуда ж мне было тогда знать, что и сам Витте скоро свернет себе шею, заигравшись участием во французских займах, и будет объявлен чуть ли не государственным преступником...

Помню тот день, когда покойный Государь объявил свое решение о французских займах и об отставке Витте. Город ликовал; люди самых разных сословий поздравляли друг друга, точно на светлый праздник Рождества Христова. Только тогда я понял, насколько народ ненавидел того, в чью пользу я интриговал. И, поверьте моему чутью полицейского, Государя, скорее всего, убили именно из-за денег – в смысле, из-за всей этой истории с займами. Я был возмущен до глубины души. Подумать только, какая низость – Шейло-

ки приказывают террористам убить русского самодержца!

Время подумать обо всем случившемся у меня было. Вагон, в который мы сели на вокзале во Владимире, был самый обычный, просто я и мои сопровождающие заняли целое купе. Не знаю, что они сказали проводнику, но до самого Курско-Нижегородского вокзала в Первопрестольной, нас никто не беспокоил. В Москве все повторилось – два извозчика довезли нас до Николаевского вокзала, где нас ожидал специальный вагон, затребованный Дворцовой полицией у Министерства Путей Сообщения для перевозки особо опасных преступников. Позже я узнал, что вместе со мной в Петербург отправили некоторых высокопоставленных московских чиновников, которых сочли причастными к цареубийству. Именно в этом вагоне в Петербург привезли небезызвестного полковника Джунковского, приговоренного позже к десяти годам каторги.

На Николаевском вокзале сопровождающие позволили купить мне целый ворох газет, и я почти всю дорогу провел за чтением. Новости удручали. Вдовствующая государыня Мария Федоровна до прибытия в Петербург императора Михаила II взяла на себя всю полноту власти. И теперь эта власть свирепствовала, хватая всех подозрительных, вроде меня. Воистину эту женщину не зря за глаза называли «Гневной».

Господин Плеве, наверное, радовался, сводя счеты со старыми врагами. В проправительственных «Санкт-Петербург-

ских ведомостях» все это было названо «Большой уборкой». К тому же после убийства Государя в Российской Империи появилось еще одно, подчиненное только новому Государю, ведомство, занимающееся преступлениями против безопасности государства – Главное управление Государственной Безопасности. Этими четырьмя буквами «ГУГБ» пестрели газетные листы, причем в самых превосходных степенях.

Именно их специальный отряд вырвал матушку Государя и Петербургского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича прямо из рук гвардейских офицеров-заговорщиков. Именно они управляли верными правительству отрядами солдат и матросов, восстанавливая в порядок и спокойствие в столице Империи.

Прочитав обо всем этом, я догадался, откуда они – мои «пятнистые» сопровождающие. Конечно же, это были «гуг-эбисты» – если даже агенты Дворцовой полиции поглядывают на них с опаской. И тут мне стало немного не по себе – неужто и меня действительно считают причастным к заговору и убийству Государя? Ведь это ведомство в настоящий момент занимается только этим делом. Вот значит, какую свинью подложил мне господин Плеве, из низменного чувства мести отправив прямо в жернова нового «Тайного приказа».

В ту ночь, пока поезд шел из Москвы в Петербург, я о многом передумал и во многом раскаялся. Только в одном я остался уверен по-прежнему – чисто репрессивными методами, без улучшения жизни простого народа, Россию не

спасти от новой пугачевщины. И чтобы не вспыхнул бунт – бессмысленный и беспощадный» – надо срочно принимать превентивные меры.

Ранним утром третьего марта наш поезд прибыл на Николаевский вокзал столицы. Когда большая часть прибывших покинула поезд, пассажиров нашего спецвагона по одному стали усаживать в подогнанные к самому перрону тюремные кареты. Окна их были завешены плотными занавесками, и поэтому я не мог понять, куда меня везут. Вроде не в Петропавловку и не в «Кресты», а уж тем более, не в Шлиссельбург.

Наконец карета остановилась. Я вышел и осмотрелся – и сразу узнал это место. Это была «Новая Голландия» – логово того самого ГУГБ, о котором так много писали газеты. Значит, я не ошибся, определяя принадлежность моих «пятнистых» сопровождающих...

Доставившие меня агенты Дворцовой полиции получили расписку о передаче меня с рук на руки «опричникам» из ГУГБ, и, попрощавшись с ними, покинули эту юдоль скорбей. А я остался и был вынужден проследовать вслед за подошедшим ко мне охранникам.

Не дав отдохнуть после дальней дороги, меня повели на допрос. Ну прям как у господина Грибоедова – «с корабля на бал». В небольшом полутемном кабинете я увидел того, кто будет заниматься моим делом. Невысокий седобородый мужчина лет шестидесяти, одетый в пятнистый мундир

с обер-офицерскими погонами, попросил меня присесть на стоящий у стола табурет и посмотрел на меня каким-то хитрым и добрым взглядом. Только от всего этого мне стало почему-то не по себе, и я вдруг вспомнил свои гимназические времена, когда мне, не выучившему урок, доводилось стоять перед преподавателем и что-то лепетать.

– Ну-с, – сказал седобородый, – давайте познакомимся. Я капитан Тамбовцев Александр Васильевич, исполняю в этом бедламе обязанности следователя по особо важным делам, и буду в дальнейшем заниматься вашей судьбой и возможным трудоустройством. А то что ж такое получается? – продолжал он, постукивая пальцами по столу, – сыщик от бога, отменный руководитель охранной структуры – и вдруг оказывается в компании отъявленных негодяев, замешанных в убийстве Помазанника Божьего. А ведь вам сам Господь велел быть на стороне закона. Как же это так? – капитан Тамбовцев склонил свою лобастую голову, и укоризненно посмотрел на меня. Немного помолчал и спросил: – Что вы желаете рассказать нам?

– А что вас интересует? – с трудом выдавил я, ошеломленный всем сказанным.

– В первую очередь, – сказал он, – вам следует знать, что покушение на Государя – к несчастью, удавшееся – организовал завербованный вами агент охранного отделения, известный под кличкой «инженер Раскин», он же Евно Фишелевич Азеф. Среди партии социалистов-революционеров он изве-

стен также как «Иван Николаевич», «Валентин Кузьмич», «Толстый»... Тертый калач, опытный конспиратор, но нам все же удалось его поймать. Взят под арест и его нынешний начальник, директор Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин. Он вам прекрасно знаком. Личность, мягко говоря, скользкая. Ну да Бог с ним. Вернемся к Азефу. Сей господин на следствии показал, что заказ на убийство Государя он получил от некоего англичанина. Прежде указания убить того или иного высокопоставленного чиновника империи, вкуче с тридцатью сребрениками, к нему поступали как раз от чинов департамента полиции, и потом он уже сам организовывал убийства указанных лиц. Так вот, я бы хотел у вас узнать: вам было известно, что ваш подопечный Азеф работал также и на британские спецслужбы?

Я молчал. Да и что я мог сказать этому человеку? Все факты были против меня. Действительно, этот проклятый Азеф был моим агентом. Но я никогда не предавал Россию и Государя, и лишь старался принести ей пользу всеми доступными способами... Возможно, я был порой неосторожен и не всегда понимал, что мой агент одной рукой мог сдавать мне своих товарищей, а другой злоумышлять против Государя. Если все обстояло именно так, и это чудовищное преступление совершил мой агент – то получается, что я стал его соучастником, и мне нет прощения...

Господин Тамбовцев встал из-за стола, и внимательно поглядывая на меня, прошелся по кабинету.

– Молчите? – спросил он. – Ну и молчите. В общем, мы уже достаточно знаем о вашем сотрудничестве с Азефом. А вот еще один наш общий знакомый, некто Георгий Гапон, поп-расстрига, интересует нас куда больше. С его участием готовилась провокация, способная потрясти основы Империи.

– Гапон – болтун и самовлюбленный позер, – сквозь зубы процедил я, – и вовсе он не моя креатура, а, скорее, петербургского градоначальника Клейгельса. Я бы этого дурака к своей организации и на пушечный выстрел не подпустил.

– Очень хорошо, – кивнул Тамбовцев, – а хотите, я вам расскажу, что должно было случиться через год после вашей отставки? Этот, как вы изволили выразиться, дурак собрал бы тысяч пятьдесят рабочих и повел бы их к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию собственного сочинения. С царскими портретами, иконами, хоругвями, пением «Боже царя храни» и церковных гимнов. А вместе с этой толпой пошли бы и революционные боевики с бомбами и револьверами, и полиция об этом тоже знала бы. Да и трудно не знать, если одновременно с работой на полицию Гапон состоял еще и членом одной из самых революционных радикальных организаций. Гнусная провокация получилась – ведь нельзя было допускать такую огромную толпу к Зимнему дворцу. А не пускать тоже нельзя. Тут или вооруженные боевики убьют царя, или войска будут вынуждены стрелять в неуправляемую и взвинченную агитаторами толпу. Кстати, если царя

и не убьют, то войска все равно будут обязаны стрелять. В результате были бы разрушены все три столпа, на которых держится государство Российское. Вы помните знаменитую формулу графа Уварова? «Самодержавие, православие, народность». И вот все это летит псу под хвост. Начинается так не любимая вами пугачевщина, которую опять придется усмирять железом и кровью. Мы знаем ваше отношение к рабочему вопросу, господин Зубатов, и потому разговариваем с вами сейчас не как с подозреваемым в цареубийстве...

Он слегка подался ко мне и, чуть понизив тон, произнес: – Сергей Васильевич, если нам удастся найти общий язык, то вы можете снова вернуться к своему любимому делу и принести немало пользы Отечеству...

От такого неожиданного перехода в сердце моем вновь вспыхнула надежда, что все образуется. Ведь один раз я уже становился из подследственного сотрудником полиции – стало быть, мне не привыкать к подобным переменам.

Я поднял голову и посмотрел в глаза капитану Тамбовцеву.

– Скажу вам честно: на священную особу Государя я никогда не злоумышлял. Все остальные дела, инкриминируемые мне, есть обычные просчеты, неизбежные в любом деле, а отнюдь не злой умысел. И я готов искупить свою вину, если таковая и есть, длительной и преданной службой нашему новому Государю. Скажите, что я должен делать?

– Отлично, – кивнул Тамбовцев, – скажу вам сразу – ра-

ботать будете, как и прежде, по линии рабочих организаций. Правда, выходить с территории «Новой Голландии» вам не рекомендуется. Если Вячеслав Константинович увидит вас где-нибудь вне этих стен, то вы сами понимаете, чем может закончиться для вас подобная встреча...

Я понимающе кивнул головой, а капитан, усмехнувшись, продолжил:

– На днях я сведу вас с одним интересным человеком, недоучившимся семинаристом. Ну а пока вам отведут отдельную комнату, где вы посидите и подумаете, как можно без особого шума и скандала отстранить Гапона от руководства «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Убийство в подворотне не предлагать. Его авторитет, заработанный безграничной демагогией, должен плавно перейти к новому руководителю...

Я несколько секунд внимательно смотрел на своего собеседника, а потом спросил:

– Скажите, Александр Васильевич, а какова цель всего этого предприятия?

– Заинтересовались моим предложением? – усмехнулся он. – Тогда слушайте. В одной стране существуют правительство, промышленники и народ. Вы хотели, чтобы всем было хорошо, но такого не бывает. Каждый тянет одеяло на себя. Промышленники безжалостно грабят народ, тот голодает, а правительство, не получая налогов ни с богатых промышленников, ни с нищего народа, вынуждено брать займы

за границей. Причем чем больше голодает народ, тем сложнее с ним управляться правительству. Если хорошо правительству, то иностранные займы берут уже промышленники, а народ снова голодает. Кончается это обычно тем, что приходит тот, кому должны промышленники, и забирает все себе, ибо за такое правительство народ воевать не будет. Еще вариант – когда хорошо народу. А народ у нас щедрый: он и с правительством поделится, и с промышленниками – и тогда хорошо будет всем. И воевать за свое правительство он тогда будет так, что любой завоеватель сто раз подумает, прежде чем решится на войну с нами. Потому что государственная система будет находиться в состоянии равновесия.

– Да вы самый настоящий социалист! – задохнулся я от удивления.

– Угу... Еще какой! – хохотнул капитан Тамбовцев. – На сегодня все, Сергей Васильевич, идите и хорошенько подумайте над тем, о чем мы с вами говорили...

16 (03) марта 1904 года. Заголовки мировых газет:

Французская «Пти Паризьен»: «Убийство в центре Петербурга: Императора Николая II взорвали так же, как его деда 23 года назад!»

Американская «Вашингтон пост»: «Кровь на

улицах и смута во дворцах: Царь убит, народ в смятении, а недовольные штурмуют дворец его матери»

Английская «Дейли телеграф»: «Быть царем в России – опасная профессия: Британия считает, что император стал жертвой недовольных его политикой»

Итальянская «Стампа»: «Гибель императора: кто направлял руку террористов? Скоро все тайное станет явным»

Германская «Норддойче Альгемайне»: «Чудовищное преступление в Петербурге: Русский император был убит на глазах у нашего любимого кайзера!»

Австрийская «Винер цейтнунг»: «Злой рок русских монархов: Второй раз за двадцать три года кровь венценосцев обогрела улицы столицы России»

Шведская «Свенска Дагбладет»: «Взрыв, потрясший Россию: социалисты-террористы не промахнулись – царь убит!»

Японская «Ници-Ници»: «Злодейское убийство русского царя: Недостойные подданные подняли руки на священную особу императора»

Греческая «Акрополис»: «Трагедия в Петербурге: кто стоял за террористами, убившими русского императора?»

Датская «Юланд постен»: «Русский трон опустел: Дворец матери убитого царя штурмуют мятежники, а новый император лечится от ран в Порт-Артуре»

**16 марта 1904 года. Полдень. Лондон.
Даунинг-стрит, 10. Резиденция
премьер-министра Великобритании.**

**Присутствуют: премьер-министр Артур
Джеймс Бальфур, 1-й лорд Адмиралтейства
Уильям Уолдгрейв и министр иностранных
дел Британии Генри Чарльз Кит
Петти-Фицморис, маркиз Лансдаун.**

– Джентльмены, – начал свою речь британский премьер-министр, – в этой чертовой России всегда все идет кувырком. Император Николай успешно убит террористами, но можно также констатировать, что наш изначальный замысел полностью провалился. Вместо Владимира Первого на российский трон готовится сесть Михаил Второй. Сэр Генри, объяснитесь, пожалуйста.

– Э-э-э, сэр Артур... – замялся шеф британского МИДа, – насколько мне известно, все пошло не так почти с самого начала. Во-первых, досадная случайность позволила

выжить во время покушения моему русскому коллеге Петру Дурново. Сам по себе он не является знаковой фигурой, но настроен крайне антибритански, и, войдя в новое русское правительство в своем прежнем качестве, он сделает его внешней политикой враждебной Соединенному королевству. Но и это еще не все. Сразу после убийства русского царя в Санкт-Петербурге начали необычайно активно действовать пришельцы с Дальнего Востока, являющиеся, как мы предполагаем, эмиссарами той силы, которая так легко разгромила Японскую империю. Заговорщики в первые же минуты после устранения русского императора должны были нейтрализовать и его мать, Вдовствующую императрицу Марию Федоровну...

– Нейтрализовать – то есть убить? – задумчиво промычал Первый лорд Адмиралтейства.

– Естественно, – кивнул сэр Генри. – Вдова императора Александра III – весьма волевая и решительная женщина, крайне опасная для наших планов. Она никогда не простит нам смерть своего сына, и если дать ей волю, то еще лет двадцать сможет серьезно осложнять жизнь Британской Империи.

– Вы так прямо и говорите... – Сэр Уильям Уолдгрейв прошелся по кабинету. – Здесь нет газетчиков, перед которыми стоило бы скрывать наши подлинные мысли. Так значит, вы поручили заговорщикам убить мать русского царя, и, как я понимаю, они с позором провалили это задание?

Сэр Генри недовольно поморщился.

– Джентльмены, по сообщению моего агента, наблюдавшего со стороны за попыткой захвата Аничкова дворца, где проживала вышеозначенная мать покойного русского императора, сначала заговорщикам оказали вооруженное сопротивление придворные и слуги. Охотничьи ружья, заряженные картечью, на близком расстоянии оказались опасным оружием, тем более что у наших людей были лишь револьверы. Потом явился отряд пришельцев с Дальнего Востока на боевой машине, и буквально смел нападавших. Джентльмены, мой человек – опытный в военном деле, он служил в Индии, прошел обе бурские войны, был два раза ранен. Поэтому, если он говорит, что у заговорщиков не было ни единого шанса на успех, значит, так и было. Их перестреляли менее чем за минуту, как беззащитных кроликов.

– Сэр Генри... – начал было Первый Лорд Адмиралтейства.

Но тот довольно резко прервал его.

– Джентльмены... – сказал он почти шепотом, – то, что мне сообщили сегодня утром, совершенно меняет всю картину происходящего. Если бы эта информация была у меня хотя бы неделю назад, я ни за что не дал бы согласие на устранение русского императора.

– Даже так? – заметил британский премьер. – Сэр Генри, а вам не кажется, что вы интригуете нас, не объяснив толком, что вы имеете в виду?

– Совсем нет, сэр Артур, – ответил маркиз Лансдаун, – я отвечаю за свои слова, а если вы мне не верите, то я в любой момент могу подать в отставку...

Артур Джеймс Бальфур и Уильям Уолдгрейв переглянулись. Потом премьер министр кивнул.

– Продолжайте, сэр Генри. Надеюсь, полученная ваши информация действительно настолько важна, что мы обязаны учитывать ее в дальнейших планах.

– Успокойтесь, джентльмены, – сказал сэр Генри, – а вы, сэр Уильям, присядьте, такие вещи лучше слушать сидя. Так вот: информация, которой я не могу не доверять, получена из Германии, где у нас много добрых друзей...

– Которым вы, конечно, платите британскими фунтами, – заметил сэр Уильям.

– Это не имеет к делу никакого отношения, – отрезал маркиз Лансдаун, – какая вам разница, чем я им плачу: фунтами, долларами или марками...

– Вы правы, – примирительно сказал Уильям Уолдгрейв, – неважно, чем мы им платим – главное, чтобы они отработывали эти деньги. Так что там ваши люди узнали в Германии?

Сэр Генри вздохнул.

– Сэр Уильям, помните тот таинственный русский корабль, который ваши люди попытались захватить в Восточно-Китайском море, и при этом поставили нашу Империю в ужасно глупую и неудобную ситуацию? Так вот, нам удалось установить, что и этот корабль, как и вся так называемая эс-

кадра адмирала Ларионова, никогда не была построена ни на одной верфи на этой планете, а прибыла к нам прямым из другого мира. Во всяком случае, так мне доложили, и при некоторых раздумьях я пришел к выводу, что так оно и есть... Недавно наш агент получил доступ к расшифрованным телеграммам губернатора Циндао, который вел переговоры с этими пришельцами, направленными в германский Главный морской штаб. Об этом, кстати, сэр Уильям, следовало бы в первую очередь знать вашим людям, а не моим. Именно в Циндао русский корабль под названием «Сметливый» проходит доковый ремонт после боя с нашим крейсером. Насколько мне известно, этот корабль и по сей день находится в этом немецком порту. Так вот джентльмены, каким-то образом капитан цур зее Оскар фон Труппель, губернатор Циндао, установил, что эти русские корабли явились к нам из будущего, отделенного от нашего времени более чем столетним интервалом, о чем он и доложил в Берлин. Именно эти пришельцы через фон Труппеля убедили адмирала Тирпица, а потом и кайзера Вильгельма, что будущее Германии – в союзе с Россией. Именно они раскрыли перед императором Николаем всю информацию о нашем готовящемся договоре с Францией, а также пикантные подробности о французских займах. Кроме того, они также убедили русского царя в необходимости разрыва франко-русского союза. Именно они убедили Николая отправить в отставку нашего друга Витте, и посодействовали тому, что Ве-

ликий князя Владимир уехал в Туркестан, а генерал-адмирал и Великий князь Алексей Александрович был отправлен в отставку. Кроме того, их командующий, адмирал Ларионов, вступил в довольно тесные отношения с наместником русского царя на Дальнем Востоке адмиралом Алексеевым, Великим князем Александром Михайловичем, и младшим братом Николая, а ныне новым русским царем, Михаилом Александровичем, слухи о смерти которого были слегка преувеличены. . . Да-да, джентльмены, Его Императорское Величество Михаил Второй в самое ближайшее время покинет Дальний Восток и отправится в Санкт-Петербург, где сейчас власть держит в своих руках его мать. Он поклялся жестоко покарать всех, кто был причастен к смерти его брата, включая и присутствующих в этом кабинете. Его манифесты расклеены в России на каждом заборе, и сдается мне, что Михаил Второй войдет в историю России с прозвищем «Грозный». Помните, джентльмены, что у русских уже был один такой царь? На этом у меня все, джентльмены. Как видите, мы сами, своими руками, сменили относительно безвредного для нас императора Николая на его воинственного и энергичного младшего брата Михаила, который к тому же находится под полным влиянием этих русских пришельцев из будущего.

Британский премьер задумчиво пожевал губами.

– Насколько я понимаю, сэръ Генри, этот новый русский император еще не прибыл в свою столицу?

– Да, сэр Артур, – ответил британский министр иностранных дел, – путь по железной дороге из Порт-Артура в Петербург занимает от двух до трех недель. Проблемой при этом может стать переправа через Байкал, если лед на озере начнет вскрываться раньше обычного. Тем более что, насколько нам известно, Михаил еще даже не в Порт-Артуре, а находится вместе с русским флотом в окрестностях Окинавы – а это еще от трех до пяти дней пути.

– Очень хорошо, джентльмены, – кивнул сэр Артур, – нам нужно приложить все усилия к тому, чтобы император Михаил Второй так никогда и не добрался до своей столицы. Делайте что хотите: посылайте наемных убийц, платите любые деньги революционерам-террористам, устраивайте крушение царского поезда – но этот человек не должен попасть в Петербург и сесть на трон своего брата. Вы же, сэр Генри, со своей стороны, предъявите русским ноту, в которой будет сказано, что, поскольку у нас есть сведения о том, что великий князь Михаил Александрович умер в русском госпитале от лихорадки, а под его именем делает громкие заявления самозванец, то британское правительство признает законным русским императором только Великого князя Владимира Александровича или его сына Кирилла. Я прекрасно понимаю, что это игра на грани фола, но помните, что это мы, британцы, устанавливаем правила игры, а весь остальной мир им лишь следует. Если мы в этом деле начнем соблюдать какие-то дурацкие условности, то о нас скоро нач-

нут вытирать ноги. Действуйте же, сэр Генри, действуйте! Интригуйте, обманывайте, подкупайте... И помните, что в случае неудачи висеть мы с вами будем на одной веревке рядом...

Сказав все это, британский премьер повернулся к Первому Лорду Адмиралтейства.

– Теперь вы, сэр Уильям. Свяжитесь с военным министром и совместно продумайте план демонстрации России нашей военной мощи. Для этого можно использовать корабли, дислоцирующиеся в Средиземном море. Ваша задача – в самый короткий срок сформировать сильный отряд наших броненосцев и броненосных крейсеров, которые, в случае, если русские не образумятся и не выполнят наши требования, смогут войти в Финский залив и артиллерийским огнем разгромить этот мерзкий Кронштадт и столицу северных варваров. И запомните: мы не воюем с русскими, мы лишь наказываем их. Надеюсь, сэр Генри, что вашими стараниями к нам присоединится и остальной цивилизованный мир.

– Сэр Артур, – озабоченно произнес Первый Лорд Адмиралтейства, – все дело в том, что навигация в акватории Финского залива начинается только в конце апреля-начале мая. А до этого момента наш флот просто не сможет пробиться сквозь лед.

– Хорошо, сэр Уильям, – устало сказал британский премьер, – делайте все, что сможете. Тем более что сэр Генри

мне уже докладывал о подготовке русскими некоего Балтийского союза. Так что проблемы у вас могут возникнуть еще в Датских проливах. Эти датчане, быстро забывшие о том, как наш славный адмирал Нельсон с помощью своих пушек показал им, кто хозяин в европейских морях, слишком много себе позволяют. Если это так, то пусть эти дикари из Петербурга для начала полюбуются на развалины Копенгагена. Вы меня поняли, сэр Уильям? К первому, максимум десятому апреля наш флот должен подойти к Копенгагену. И горе тем датчанам, которые рискнут встать на нашем пути!

– А как насчет других датских городов? – осторожно спросил сэр Уильям, – надо ли их жителей научить хорошим манерам?

– А почему бы и не поучить? – ухмыльнулся британский премьер. – Чем хуже Копенгагена такой город и порт, как Эсбьерг, Скаген или Орхус? Пусть ими займутся наши крейсера. На побережье Ютландии есть где положить десяток-другой крупнокалиберных британских снарядов. Датчане так и никогда не будут любить нас, так пусть просто боятся – нам этого будет вполне достаточно. Думаю, что их пример послужит хорошим уроком для тех, кто не будет уважать военную мощь нашей империи... Ну а теперь, джентльмены, идите. Мне еще раз надо подумать над тем, о чем мы только что с вами говорили, и решить, что именно мне сказать Его Величеству. Если будут какие-либо изменения в планах, то вам своевременно сообщат. Всё, джентльмены, все свободны.

16 (3) марта 1904 года. Вечер. Санкт-Петербург. Зимний дворец, кабинет Е.И.В.

Полковник Антонова Нина Викторовна.

Мы, пришельцы из будущего, привычны ко всему. Беспрецедентно наглое британское заявление нас возмущает, но не удивляет. Видали мы и не такое. Мадлен Олбрайт, Кондолиза Райс и Хиллари Клинтон закалили нас в идеологических боях. Напротив, местные, привыкшие к обтекаемой вежливости XIX века, были не сколько возмущены, сколько шокированы беспардонностью британского заявления.

– Это истерика, Ваше Величество, – стараясь быть спокойной, сказала я Марии Федоровне, прочитав текст британской ноты, – а значит, признак слабости. А еще это добровольное признание вины в цареубийстве и попытке насильственного свержения законного государя Михаила Александровича. Партию свою они проиграли, и теперь джентльмены банально пытаются блефовать, угрожая России.

– Уж очень вы спокойны, мадам, – сухо заметила Мария Федоровна, забирая у меня бумагу. – Неужели вам совсем не страшно?

– Не вижу причин для паники, – ответила я, – сейчас

позиции России достаточно сильны, а Британии, наоборот, ослаблены. Нас пытаются запугать повторением истории с Крымской войной, но сегодня Британия одна, а в одиночку она не привыкла сражаться с сильным противником. Тем более что гордые бритты ухитрились испортить отношение и с Германской империей – а это уже для нее опасно. В настоящий момент британская дипломатия может попытаться сколотить антироссийский альянс только из тех европейских государств, которые являются историческими врагами России. Кроме самой Британии, таковыми можно считать еще две империи: Австро-Венгерскую и Турецкую. Причем султан, в отличие от императора Франца-Иосифа, будет очень осторожен. В прошлом все русско-турецкие войны заканчивались победой России. Да и внутреннее положение Турции нынче таково, что война с внешним противником может закончиться для нее внутренней смутой. Что же касается насчет Австро-Венгрии... Вот тут, Ваше Величество, как раз важна позиция Германии. Если мы сумеем заключить с германцами договор о создании Континентального Альянса (что можно считать крушением всех британских планов), то это ослабит нарождающуюся Антанту и поставит под угрозу мировое доминирование Империи, над которой никогда не заходит солнце.

Наступила гнетущая тишина.

– Германия, говорите? – Мария Федоровна достала из изящной шкатулки на столе тонкую дамскую папироску,

прикурила ее, жадно затянулась, а потом сказала: – Этот несносный германский император Вильгельм, к которому, к моему величайшему сожалению, так хорошо относился мой бедный Ники... Так вот: он должен быть здесь, в Зимнем дворце, с минуты на минуту, вместе со своим любимчиком адмиралом Тирпицем. Поймите меня, мадам: конечно, как настоящая датчанка, я не перевариваю этих надменных и самодовольных прусских солдафонов... – Императрица жадно затянулась табачным дымом, – но сейчас уже прекрасно понимаю, что датская принцесса Дагмара должна стать Всероссийской императрицей Марией Федоровной, для которой хорошо то, что хорошо для России. Именно я убедила моего покойного мужа заключить русско-французский союз – и знаете, я уже не уверена, что это было правильным политическим решением.

Я с удивлением посмотрела на эту сильную женщину. Наверное, такое признание далось ей нелегко. Все мы делаем ошибки, но не каждый может в них сознаться даже перед самим собой, а уж тем более перед посторонними.

– Думаю, что ваш покойный супруг руководствовался какими-то своими соображениями, – спокойно заметила я. – Пока Австрия была союзником Германии, Россия оказывалась третьей лишней. Империя Габсбургов боялась потерять влияние на Балканах и соперничала с Россией, у которой там тоже были свои интересы. Австро-прусский союз, устроенный Бисмарком, являлся противовесом Российской им-

перии. И лишь потом ваш супруг стал искать союзников в Европе, забыв при этом свои собственные слова о том, что единственными союзниками России являются лишь ее армия и флот.

Я оглянулась на входную дверь.

– Ваше Величество, пока император Вильгельм еще не пришел, я скажу вам то, что вы обязательно должны иметь в виду во время этого разговора. Германия – это единственная страна в Европе, с которой у нас могут быть спокойные, деловые союзнические отношения, построенные на голом прагматизме и взаимной выгоде. Да, большой любви между нашими странами не будет, но мы и не ожидаем какой-то особой иррациональной ненависти или снобизма по отношению к России, каковые имеют место со стороны англичан, французов или австрийцев. В конце концов, немцы это доказали, приезжая в Россию и живя среди русских на протяжении веков. Именно немка София-Фредерика Ангальт-Цербстская смогла стать Великой Русской Императрицей и встать в один ряд с Петром Первым и другим, еще не известным вам человеком. Ни одна другая европейская нация не могла больше повторить это, и потому мы считаем, что именно немцы наиболее подходят нам для союза, а не французы или англичане. Эти продадут и предадут при первой же возможности, реализуя свои неизменные интересы – купить подешевле, а продать подороже.

– Я вас поняла, – кивнула Мария Федоровна, – и постара-

уюсь сдерживать эмоции. Скажите, уважаемая Нина Викторовна, ведь в вашем прошлом между Россией и Германией уже было такое, после чего слово «немец» стало синонимом слов «зло» и «враг». Неужели вам самой не страшен союз с этой страной?

Я вздохнула.

– Простите меня, Ваше Величество, нынешняя Германия совсем еще не та страна, которая сумела залить весь мир кровью... Я и мои товарищи бьемся не только за Россию, но и за Германию, чтобы Второй Рейх никогда не стал Третьим. При этом мы знаем, что в австрийском Линце сейчас уже живет пятнадцатилетний мальчик по имени Адольф... Фигуры на доске расставлены и партия началась. Скажу честно: Континентальный Альянс, куда могут и должны вступить Россия и Германия – единственный путь для того, чтобы все, что было в нашем мире, не повторилось здесь. Для вас, возможно, это только слова, а для нас еще и величайшая ответственность перед тем, кто отправил нас сюда, перед будущими поколениями и, наконец, перед самими собой.

– Я вас понимаю, – сказала мне Вдовствующая императрица, – и будем надеяться, что дело не дойдет до самого худшего. Мужчины обожают всякую внешнюю мишуру. Они понимают только военные союзы, громады броненосцев, блеск парадов и бравурную музыку духовых оркестров. Но мы, женщины, понимаем, что Россия в первую очередь должна укрепиться изнутри.

– Вы правы, Ваше Величество, – ответила я, – со слабыми не договариваются, слабым диктуют свои условия. Но чтобы укрепиться изнутри, нужно выигрывать время, заключая союзы, с помощью военных парадов демонстрируя окружающим несокрушимую мощь и ведя на периферии локальные войны, которые позже не очень умные историки назовут «ненужными». У нас, у вас, у вашего сына Михаила впереди – огромный, поистине адский труд по укреплению России и превращению ее в одну из великих держав двадцатого века. По сравнению с этим наша общая победа над Японией – это просто детская игра, не более того.

– Я знаю, – просто ответила Мария Федоровна, – Мишкин телеграфировал мне, что с вашей помощью он полон решимости сделать Россию величайшей империей мира, и именно она будет памятником несчастному Ники. Я понимаю, что, побывав на краю смерти, он переменялся, и надеюсь, что к лучшему...

Полчаса спустя. Санкт-Петербург. Зимний дворец, кабинет Е.И.В.

Германский император бравым шагом вошел в кабинет царя, блистая торчащими вверх набриолиненными усами и бряцая множеством орденов и медалей. Фат и позер, он еще не испытал разочарования от потери всего, что имел, и ныне пребывал на вершине славы. Адмирал Тирпиц скромно

задержался в приемной, дабы не мешать своему монарху и без свидетелей перекинуться парой слов с полковником Антоновой.

– Ваше Величество! – воскликнул он, остановившись перед маленькой, одетой в черное, женщиной. – Вся Германия скорбит вместе с Вами. Мы потрясены ужасной гибелью вашего возлюбленного сына, и все мы, немцы, до глубины души возмущены наглým ультиматумом, который предъявила вам Британия. Нам ли не знать, что ваш младший сын Михаил находится сейчас в добром здравии и скоро явится сюда, чтобы сесть на престол своих предков и покарать всех виновных в смерти его брата. Знайте же: если вам придется обнажить меч против тех, кто угрожает вам, то немцы почтут за честь быть вместе с вами в одном строю.

Мария Федоровна спокойно выдержала весь этот бурный тевтонский натиск, а когда император Вильгельм выдохся, произнесла ровным голосом:

– Мы благодарны вам и вашим подданным за то участие, которое они принимают в делах нашего богоспасаемого Отечества. Многие наши адмиралы, генералы и офицеры являются немцами по крови, но тем не менее русскими по духу. Многие корабли нашего флота, по праву считающиеся лучшими, построены на немецких верфях руками немецких инженеров и рабочих. Хочу повторить вам слова, один раз уже сказанные вам моим несчастным сыном: «в войне между русскими и немцами обязательно победят британцы»...

– Воистину это вещие слова! – воскликнул германский император, широкими шагами прошелся по кабинету из конца в конец. – Эта островная империя, опираясь на свою морскую мощь, держит за горло весь мир, и победить ее не удалось даже великому Наполеону. Кто контролирует моря, тот контролирует мировую торговлю. Кроме того, дешевое сырье из колоний дает британской промышленности неоправданные преимущества перед честными и трудолюбивыми немцами. Вот откуда в этих британцах столько беспардонной наглости и злобы.

– Морские коммуникации крайне уязвимы, ваше величество, – с легкой улыбкой сказала Мария Федоровна, жестом предложив присесть своему гостю, – недавно наш флот доказал это на примере Японии, полностью прервав торговлю этой островной страны и поставив ее на грань экономической катастрофы. В противоположность этому протянутые по земле железные дороги не в пример надежны, и чтобы их прервать, крейсера и броненосцы не помогут. Вы это прекрасно знаете. Если Россия и Германия заключат союз, то их будут связывать не ненадежные морские пути, а проложенные по земной тверди линии железных дорог. Кроме того, почти все морские перевозки между нашими странами идут по Балтике, которую при соответствующей договоренности с Данией можно закрыть от присутствия военных кораблей других держав, и никакая британская блокада будет не в силах помешать нашим связям.

Остановившись, Вильгельм обернулся в сторону приоткрытой двери в приемную, где адмирал Тирпиц вполголоса о чем-то беседовал с полковником Антоновой.

– Альфред, господин адмирал! – окликнул его германский император. – Извинись перед дамой, в которую Всевышний – несомненно, по ошибке – вселил душу настоящего полковника, и подойди вместе с ней к нам. Кстати, о чем вы так оживленно беседовали?

– Госпожа Антонова только что пообещала вызвать на дуэль всех ваших и моих адъютантов, – посмеиваясь в рыжую бороду, сказал Тирпиц.

– Что!?! – воскликнул кайзер, взмахивая от удивления здоровой рукой. – Фрау Антонова, в чем провинились эти мальчишки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.